

Анна Драницына

КОЛЬЦА МОСТОВ

Анна Драницына

Кольца мостов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69544417

SelfPub; 2023

Аннотация

Считается, что мост является мистическим символом перехода в другой мир. Отражения мостов в Санкт – Петербурге создают замкнутый круг, в котором с виду все одинаково – как внизу, так и наверху... Но те, кто хоть раз тонул, знают – там под водой находится странный и опасный мир.

Содержание

Нинка	4
Туська	21
Медуза	41
Чужаки	51
Катерина	77
Семенов	83
СРЕДА. Хемера Хермоу. Меркурий. СЕДЬМОЙ МОСТ	91
Волосы	98
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Анна Драницына

Кольца мостов

Считается, что мост является мистическим символом перехода в другой мир. Отражения мостов в Санкт – Петербурге создают замкнутый круг, в котором с виду все одинаково – как внизу, так и наверху... Но те, кто хоть раз тонул, знают – там под водой находится странный и опасный мир.

Нинка

Нинка шла по мосту Володарского. Мимо, обдавая вонючими выхлопами, с грохотом проносились машины и автобусы. Мост под ногами подпрыгивал и дребезжал, его металлические швы, казалось, вот-вот разойдутся, открыв пешеходам путь в черную бездну. Там, внизу бурлила и клокотала осенняя сердитая Нева, готовая поглотить любого, кто к ней приблизится. Как ни странно, когда-то Нинка даже любила останавливаться над чуть приоткрытыми створками и замороженно смотреть вниз. Это было страшно и волнующе одновременно. Она думала – что будет, если механизм вдруг даст сбой и мост неожиданно откроется. Что тогда? Сотни

машин, пешеходов и велосипедистов упадут в воду и погибнут. В том краю, откуда она родом, ничего подобного не было. Все мосты или даже деревянные мосточки были хоть и не так помпезны, зато стабильны. Нинка вспомнила, как в первый день в новом городе она пошла прогуляться через Троицкий мост. Уже тогда в ее голове почему-то всплыла сцена из старого-престарого фильма про революцию. Там, где в момент каких-то баталий в Петрограде, солдаты разводили мост, чтобы перекрыть дорогу противникам. Соответственно те, кто оказался посередине, улетали прямиком в ад. И лишь на самом краю остался висеть труп бедной, ни в чем ни повинной лошади.

И все же, все же. Нинка много лет ходила по мостам пешком. Как канатоходец, балансирующий без страховки между небоскребами, она научилась не только не смотреть вниз, но и получать удовольствие от прогулки. В тот период Нинка еще умела смотреть на раскинувшийся перед ней строгий каменный город, на его небесную линию с золотыми шпилями церквей, и представляла, что идет по небесному куполу. Но потом что-то вдруг пошло не так. Жизнь в северном городе оказалось невыносимой.

Сквозь сгибы-отверстия в бетонном полотне, молодая женщина часто видела себя. В водном зазеркалье она пробежала по мосту резво и весело, в то время как реальную Нинку вечно сдувало с места порывами ветра и отчаяния. Закутавшись по самый нос в колючий шарф, реальная Нинка спе-

шила по делам, проклиная дождь и мокрые ноги.

А сегодня Нинка вообще ничего не замечала. Сегодня она, наконец, посмотрела в глаза той, другой. Долгие месяцы женщина словно доменная печь, горела изнутри ядовитой ненавистью. День за днем тлели ее внутренние органы. И однажды, проснувшись черным ноябрьским утром, Нинка поняла, что если ничего не предпримет, то скоро рассыплется мелкой трухой, как старый гриб в лесу. Она тихо вошла в парикмахерскую и села в углу на старый ободранный стул. Это была маленькая занюханная цирюльня «Салон красоты Изабелла». Располагалась она в подвале. На полу, явно еще со вчерашнего дня, лежал пестрый ковер человеческой шерсти. Игривые рыжие локоны смешались с черными и были присыпаны сверху голубоватой старушечьей сединой. Нинка бы в жизни не доверила свою голову «изабеллам» из подобного свинарника. Казалось, что человеческие волосы были везде, даже норовили залезть в рот, чтобы заскрипеть на зубах. В кресле ТОЙ САМОЙ парикмахерши сидела сиреневая бабушка-облако. Сквозь нее пробивался свет от лампочки над большим круглым зеркале, делая бабулю абсолютной марсианкой.

– Я вот, доча, покрасилась. Все, как ты говорила, Иридой. Помыла, высохла. Все по инструкции. Но на себя гляжу в зеркало и не узнаю, как говорится, в гриме. Какой-то фонарь фиолетовый на башке колышется. Туда-сюда, туда-сюда. Люди на улице даже оборачиваются вслед. Смеются поди. Ты,

доченька, помоги мне, дуре старой.

– Верочка Игоревна, дорогая. Не надо в следующий раз лить на себя сразу весь флакон. Только капельку, чтобы освежить седину. Волос изнутри уже пустой, он красится мигом. А вы синеву на себя всю вылили и вот результат. Попробуем стать брюнеткой?

– Хоть кем, милая. Только чтоб этот фонарь китайский с меня ушел.

Нинка сидела и, пользуясь случаем, спокойно рассматривала эту тварь, воровку, мразь. Так мысленно про себя она всегда ругала Катерину. Это помогало ей не плакать. К счастью, в салоне была очередь, поэтому никто не обратил внимание на болезненно бледную молодую женщину с синяками под глазами. В Питере таких пруд пруди – тонкокожие выходцы с другого света. Идут по Невскому проспекту, глаза опустили, уголки рта тянут голову к земле. Кажется, будто в этих людей уже ничто не способно вдохнуть жизнь. Первые дни после приезда в Северную столицу Нинка смотрела на них с большим удивлением, а потом и не заметила, как сама стала такой же. Морской румянец стерся унылыми дождями и выцвел под серым небом Петербурга.

Она смотрела как та, что забрала, высосала сквозь коктейльную розовую трубочку ее жизнь, грациозно двигается по периметру небольшой комнатенки. Мерзкая гадина, вавилонская блудница. Парикмахерша порхала как бабочка по салону, шутила с коллегами и одновременно стригла плечи-

стого военного. Катерина была настоящей русской красавицей – серые глаза с поволокой и коса до попы. Нинка рядом с ней казалась себе черным иссохшим деревом, в которое ударило молнией.

– Женщина, вы на стрижку?

Любовница ее мужа метелкой подметала волосы. Светлые, рыжие, черные – большое гнездо человеческих голов.

Не помня себя от горя, Нинка схватила ножницы, лежащие на краю столика, и кинулась на соперницу. Катерина чудом успела увернуться, а крепкий военный на лету поймал Нинкину руку с орудием убийства. Началась паника, девки громко завизжали, а военный от неожиданности отпустил женщину, и она стремглав бросилась на улицу. На руках кровь. Кажется, слегка задела эту тварь.

Очнулась она на мосту, глядя вниз в темный водоворот. Что-то подталкивало ее прыгнуть вниз, но мысль о мести не давала покоя. Как же так? Она, Нинка, будет лежать в гробу холодным трупом, а эти двое будут кувыркаться в ее постели и в ее квартире. Это было не справедливо. Гадина должна поплатиться за все. За то что вот так, одним щелчком нама-никюренных красных ногтей, разрушила ее жизнь.

Из воды медленно выплыло лицо соперницы, длинные волосы по- журнальному красиво раскинулись на волнах. Обнаженное тело слегка покачивалось. Русалка, прищурив серые глаза, улыбалась. Потом начала хохотать. Нинка нащупала в кармане ножницы, которые, когда в парикмахерской

началась заварушка, по инерции спрятала в карман. Она достала их и стала срезать волосы с головы, бросая их в воду.

– Будь ты проклята, будь ты проклята, – приговаривала она.

Русалка-парикмахерша закружилась в водовороте из волос. Она была опутана ими, словно гигантская рыба, попавшая в сеть. Ясноглазая красотка перестала томно улыбаться, теперь она кричала от боли и звала на помощь. Волосы Нинки превратились в сеть из колючей проволоки и рвали на части прекрасное тело соперницы.

Вода исчезла, и Нинка оказалась на песчаном берегу. Море ушло куда-то вдаль, за горизонт, обнажив до неприличия жизнь маленьких обитателей. То тут, то там валялись ракушки, внутри которых шевелились рачки; беззвучно извивались морские звезды; под ногами на удивление резво шмыгали крохотные черепашки. Нинка попыталась схватить одну, но она спряталась за камни. Был сильный отлив. Нинка сняла туфли и побрела по ребристой песчаной поверхности, где, судя по всему, совсем недавно была еще вода. Вскоре морские существа закончились и под ногами стали возникать предметы человеческого быта – расчески, фотографии с вырезанными глазами, поломанные свечи, разрезанные подушки. Перья, много перьев летало кругом. Нинка так засмотрелась на странные предметы, что чуть не наступила на метлу. На берегу седовласый дед-дворник сосредоточенно сметал раскиданный кругом хлам. Он был в резиновом

темно-зеленом переднике с колючей метлой из настоящих веток – классический сердитый дворник из детства... Нинка заметила, как старик ловко поддел метлой длинную белокурую прядь волос. Вспомнилось, как летом делали с девочками кукол из одуванчиков. Надо было оторвать цветок, потом поделить его стебель на несколько ниточек-частей и – опустить в воду. Разрезанный стебель превращался в кудряшки, которые становились головой для цветочной куклы.

– А че мост-то, разведен что ли был? Меняют расписание как хотят, черти полосатые.

– Нет, кажется. Ведь еще не поздно.

– Ну и что ты тогда приперлась дура, ежели не разведен? Ой беда-беда с вами, девками.

Дед закричал, подцепил еще одну прядь и сунул в холщовый мешок. – Ты пойми, глупая, если мост сведен, значит, круг замкнется. Сильно болит?

Нинка только теперь заметила кровавое пятно на платье, чуть ниже груди. Оно было совсем маленьким и засохшим.

– Не получилось тебе горе сбросить на других. Только хуже себе сделала, голова твоя бедовая. Горе оно не просто так людям дается. Когда же вы, наконец, это поймете? А теперь что? – продолжал ворчать дед. – Придется мне этот мешок на другую сторону тащить. Но толку никакого. Потому как, коли мост сведен был, по нему вся дрянь ветром обратно и прогонится. Да еще и чужого нацепляет. Ох, дурное ты, баба, дело затеяла. Нехорошее. Может, заберешь мусор свой?

Сама дотащишь?

Нинка посмотрела на увесистый мешок и покачала головой. Она вдруг почувствовала сильную слабость и села на песок. Из дырки в груди сочилась черная кровь.

– Как знаешь. Я тебя предупредил.

Дед снял с метлы прутья, взвалил тяжелый мешок на спину и, кряхтя, пошел вдоль моря, по пути накалывая палкой мусор, цепляя его как рыбак острогой больших рыбин.

Это было как неизлечимая болезнь, вроде СПИДа, о существовании которой ты, разумеется, знаешь из телевизора и газет, но даже помыслить не можешь о том, что подобное случится с тобой. Нинку не удивляло, что вокруг все рушилось, летели обломки чужих судеб, подруги регулярно звонили, рыдая в телефонную трубку, а в судах шли безостановочные процессы разводов. Суд такого-то района постановил, что вы – больше не жилец. По крайней мере с этим человеком. Ну и что с того, все это не про нас. Мы – зрители, что бок о бок сидят на мягком диване и, лузгая семечки, смотрят бесконечный телесериал о жизни других. Нинке казалось, что Семенов был всегда, она с трудом помнила жизнь до него. Они столько вместе пережили, что срослись мозгами и душой похлеще, чем иные сиамские близнецы. Ей казалось, что они смотрели на жизнь глазами единого существа, и невозможно было даже представить, что твой второй глаз вдруг переползет на затылок и станет заглядываться на особи другого пола.

Нинка верила своему мужу больше, чем себе и это, как объяснил ей психолог, было большой ошибкой. От доктора она узнала, что, оказывается, мужчины меняются каждые семь лет. Вот так у них, согласно теории, обновляется суть. Психолог заливал что-то на тему, как у человека регулярно меняется все – кожа, волосы, молекулы. С чего вы решили, что ваш партнер останется навсегда таким, как в день свадьбы. К сожалению, это физически невозможно.

Нинка помнит, как сидела у врача в тихом шоке. Почему мама не рассказала ей про ЭТО? Про то, что, проснувшись однажды утром ее дочь найдет у себя под боком незнакомого бородатого хмыря. При этом Хмырь находится в состоянии полной амнезии, словно вернулся контуженным с войны. Муж не помнит ничего хорошего или хотя бы просто интересного о бывших супружеских годах. Более того, этот человек искренне недоумевает, что он тут делает и для чего ему семья. Вроде бы все как обычно – Семенов уходит на работу, целует дочь перед сном, пылесосит по воскресеньям ковер, но при этом «чужой» внутри него растет и ширится. Он нашептывает ему волшебные сказки об иных мирах, где волоокие нимфы ждут его в свои объятия. Где все ярче, острее, волшебнее. Где его любят и хотят.

Тут Нинке, скрипя сердцем, пришлось признаться психологу, что Семенов никогда не ассоциировался у нее с сексом. Может советские родители подали пример бесстрастных и целомудренных отношений. А может темп жизни в мегапо-

лисе оказался быстрее, чем их пара гнедых могла осилить. Один черт уже разберет теперь почему их упряжка так и не выгребла на финишную прямую – спокойную и беззаботную старость. Ближе к ночи Нинка и Семенова, как правило, были вымотаны до предела, и любовь в постели у них случалась крайне редко, в большинстве случаев так, для здоровья. И Нинка, по наивности думала, что это в порядке вещей. Что так после свадьбы у всех. Ведь человеком, как известно, руководит сексуальная энергия, и если ее направить в другое, более полезное русло, то она принесет неплохие плоды. Нинка была уверена, что ее взгляды разделял и сам Семенов. Работа занимала весь его мужской потенциал, в кровати регулярно ночевали мобильный телефон с ноутбуком, а для Нинки, со временем, там практически не осталось места. Задумываться над этим процессом вытеснения у нее особенно времени не было, потому что вскоре после свадьбы родилась Сашка, и первые три года с момента появления этого маленького чудовища, прошли будто в коме. Сашка была тем ребенком, от которого любой человек начинал сходить с ума. Когда ей был всего лишь год, они с Семеновым насмерть разругались, споря, кто будет мыть полы, а кто сидеть с ребенком. Оба безумно хотели мыть полы, потому что лишние пол часа с дочерью означали полное физическое и эмоциональное истощение на весь оставшийся день. Каким образом грудной младенец умудрялся заставить весь мир вертеться вокруг него, до сих пор остается для Нинки загадкой. В четы-

ре года Сашка доводила всех до умопомрачения своим песнопением. Время от времени ребенок начинал орать странные песни, в жутком звучании которых даже сам Пельш не угадал бы ни одной мелодии. Это происходило в тот момент, когда Нинка обращала свое внимание на кого-нибудь, кроме дочки. Даже если это была соседка, с которой Нинка, спускаясь вниз по лестнице, на секунду зацеплялась языками – Сашка начинала свою «волчью песнь», и все сразу разбежались от них как от чумных. Чего, впрочем, девочка, и добивалась. Еще будучи несознательным младенцем, Сашка свила у Нинки на голове гнездо, основательно туда заселилась и теперь не собиралась без боя сдавать захваченные территории. Самый кошмарный случай произошел, когда Нинка впервые выехала за границу в Турцию. Первый раз в жизни она смогла ощутить, что такое настоящий курорт с рекламной картинки. Вылизанные пляжи, чистое как вода в стакане, Средиземное море, шикарный номер и еда в любых количествах за шведским столом. И хотя Нинка сама выросла на море, их городок, ни шел ни в какое сравнение с заграничным отдыхом. Тем более, что Нинка была южанкой. Для них, жителей побережья, туристический сезон был чем-то вроде страды, тяжелой работой в индустрии отдыха и развлечений. За те четыре месяца, что остальное население страны находилось в отпуске, местным надо было любой ценой заработать деньги на весь оставшийся год. После распада СССР город так и не оправился от безработицы. В то время закры-

ли копировальную фабрику и рыбзавод, и теперь всем приходилось как-то выживать. Поэтому практически каждая семья сдавала летом отдыхающим комнаты и квартиры, любые свободные халупы и курятники, по возможности переезжая на лето к родителям или ютясь в одной комнате со стариками и животными.

В первый день в Турции, Нинка шла к морю вдоль зеленого газона, покрытого цветущими кустами олеандра. Летали стрекозы, в траве мелькали ярко зеленые спинки ящериц. Разве могла эта сказочная тропа вести к воде? У них, в Феодосии, ближе к сезону, дорога к морю покрывалась уродливыми палатками, как подросток в период полового созревания прыщами. Там продавали шашлыки, хачапури и чурчхелу. Сами местные их не ели, прекрасно зная, как и из чего это сделано. Когда Нинка была еще ребенком, мать заставляла их с сестрой ходить по пляжу и продавать пиво и раков. До сих пор по ночам у нее в голове иногда кричит слегка хриплый голос Ляльки, сестры. Она тогда уже покуривала.

– Свежие раки, холодное пиво. Пиво-раки. Пиво-рыба.

Иногда раки были такие старые, что их красные тушки разваливались прямо в руках, но люди на пляже все равно их покупали. Они приезжали отдыхать, и им было все равно. Туристы надолго не задерживались, поэтому претензии к продукции предъявляли редко. Только один раз произошел случай, после которого мама перестала заставлять их торговать на пляже. Один мужик купил у Нинки раков, но уйти

далеко она не успела – он сразу попробовал этот морской полусгнивший труп.

– А ну-ка иди сюда, цыганка.

Мужик потащил десятилетнюю девочку к своей подстилке на песке. Там сидела еще пара его друзей. Несмотря на утро – уже изрядно пьяные.

– Господа, смертельный номер! Сейчас маленькая засранка съест эту мерзость, что продала нам за тридцать рублей. Думают, козлы, что можно тухлым говном нас кормить.

Под дружный гогот мужик стал засовывать Нинке в рот раковый хвост. Она выплюнула рака, и он упал в песок. Но мужик поднял его и стал запихивать ей хвост вместе с песком. Нинка отбивалась изо всех сил, но дядька был сильнее. Девочку вырвало, но к счастью прибежала сестра и стала громко звать на помощь. Мужики струхнули и отпустили их.

И все же, все же. У городка на море летом была своя, особенная жизнь. Нинка скучала по ней, как скучают порой по умершим родственникам, понимая, что они никогда не вернуться назад.

Нинка помнила запах Начала Сезона. Смесь водорослей, жаренного шашлыка и свежей краски. Уже в мае на пляже появлялись странные люди с огромными попугаями на плечах и печальными мартышками в детских штанишках на подтяжках. Гастролеры предлагали отдыхающим за деньги сфотографироваться с животными. В летний сезон их городишко превращался в маленький зоопарк. По улицам водили

пони, предлагая покатать детей. Один предприниматель даже покрасил свою лошадку черной и белой краской, превратив таким образом в зебру. И еще было множество рептилий – ящерицы, змеи, удавы. Несчастные твари лежали вдоль дороги к морю в картонных коробках в тени акаций, ожидая своего звездного часа. Там же томились тропические птицы – попугаи с подрезанными крыльями и ободранными хвостами иногда вскрикивали Нинке вслед, жалобно и пронзительно. Обычно Нинка смотрела на этот цирк и думала – до какой же степени бедные зверюшки должны ненавидеть детей? Этих маленьких злых карликов, с их вечным – а можно погладить?

Один раз маленький пленник сумел удрать и приполз ночью к ним на порог. Сестра услышала, что кто-то скребется, но подумали – кошка. А когда открыли дверь то обнаружили там огромную, ярко-зеленую, наполовину ощипанную птицу. Как будто ее собирались уже кинуть в суп, но в последний момент телефонный звонок отвлек хозяйку.

Когда Нинка взяла птицу на руки, бедолага скрипучим голосом сказал – «дерьмо, вот дерьмо». У попугая была сломана лапа, она так гноилась, что пришлось ее отрезать. Капитан Флинт остался жить у них и со временем его мироощущение изменилось на более позитивное. Тело покрылось новыми перьями (оказалось, что старые он выщипал сам, из-за стресса), а в сердце проснулась любовь к Нинке. Лялька, сестра, вычитала в книге, что большие попугаи – однолю-

бы и выбирают в фавориты только одного члена семьи. Капитан Флинт выбрал Нинку – только ей он позволял чесать ему шею и полностью копировал ее голос и интонации. Вместе они мечтали, что однажды уедут в Австралию и останутся там навсегда. Кстати, попугай был категорически против Семенова. Флинт словно чувствовал, что добром эта история не кончится, и, при таком раскладе, далекие тропические страны навсегда останутся для него мечтой. Один раз попугай так цапнул Семенова за губу, что пришлось зашивать ее у хирурга.

Флинт предвидел, что в будущем у Нинки вырисовывается лишь холодный северный город, в котором не то, что попугаи, даже люди выживают с трудом. Ближе к отъезду Нинкин любимец заболел и сдох. Наверное, летает сейчас счастливый по небесной Австралии, пока Нинка мучается на севере за них двоих.

Итак, Турция. Эта поганка Сашка, как всегда, все испортила. Ей было уже 5 лет – возраст, в принципе, вполне осознанный. То самое время, когда в маленьком человечке, как молодые яблоки в саду, начинают созревать пороки. Эдакие невидимые ранетки с гнильцой. Говорят, надо регулярно наблюдать свое растение, опрыскивать от паразитов и беречь урожай, но Нинке было элементарно лень. Да и времени, как всегда, не хватало.

Однажды, когда они с дочкой плавали в бассейне, к Нинке стал кадриться инструктор по дайвингу. Нинка живописно

возлежала в отсеке с гидромассажем, а он, присев на край, пытался назначить ей свидание. Сашка неподалеку в оранжевом спасжилете плескалась в голубой воде, солнце отражалось в теплых брызгах, и ничто не предвещало неприятностей. Парень был и впрямь ничего, статный мусульманин с голубыми глазами, и Нинка уже решили вечером с ним прогуляться на дискотеку и покурить кальян. Но вдруг наткнулась взглядом на перекошенное лицо менеджера. С глазами полными ужаса он плескал воду на кафельную, небесно-голубую стенку бассейна, к которой прилипла огромная коричневая какашка. И ЭТО мог сделать только один-единственный человек в этом месте, а может и во всем мире – Нинкина несносная дочь. Почтенная публика была в шоке и, мигом повыпрыгивала из воды на берег, несмотря на жару. Плавающее говно в бассейне – зрелище не для слабонервных. Пожилая пара немцев что-то возмущенно кричала Нинке, спешно собирая с лежаков свои шмотки и отчаливая в отель. Стогая от дикого стыда, Нинка затащила ребенка в гостиничный номер и отлупила изо всех сил. О свидании с красавцем инструктором можно было забыть – с этого дня она старалась избегать людных мест. Более того – не высывалась лишней раз из номера до конца отпуска. Позже, друзья Нинке говорили – подумаешь, ребенок нагадил, просто постеснялся проситься в туалет. Но Нинка твердо знала одно – все, что дочь Александра делала в своей жизни – она делает осознанно и с умыслом. Маленький дьяволенок, для которого дет-

ство – лишь прикрытие. Даже в тринадцать Сашка изменилась ненамного. Просто школа, репетиторы, музыкалка отвлекли ее от родителей и не оставили дополнительного времени для нервотрепок. Если попытки провокации и были, Нинка тут же ретировалась. Где-то в глубине души она побаивалась Сашку, как боятся стихию, которая может разбушеваться в любой момент. А на выходные Нинка старалась отправить ее к подруге, подальше от глаз – сил для войны на домашнем фронте оставалось все меньше.

Туська

Семенов позвонил Тусе, когда она ехала в маршрутке домой. Он сказал, что с Нинкой случилась беда, она пыталась покончить с собой и прыгнуть с моста. Сейчас лежит в больнице. Семенов все уладил, в психушку ее не отправят, но надо, чтобы кто-то из близких был рядом. Себя к этой категории он видимо, уже не относил.

Когда Туська прибежала в больницу, Нинка уже пришла в себя после укола снотворного и была удивительно спокойна, даже весела. Семенов заселил ее в палату люкс, и она наслаждалась покоем и одиночеством. Все пережитое накануне казалось страшным сном. Она словно вскрыла огромный чирей, из которого наконец вылился гной, копившийся месяцами, и теперь боль потихоньку отступала.

Туська села к подруге на кровать.

– Господи, Ниночка. Что ж ты такое наделала?

– Туся, что-то чудесное случилось со мной на мосту. Больше ничего не болит. Представляешь! Ни-че-го! Я столько времени мучилась, а надо было всего лишь разок пырнуть ту мерзавку ножницами.

– Господи боже!

– Я знаю, эта гадина хотела, чтобы я умерла от горя. Не спорь, я чувствую это. Фигушки ей. Я обманула их обоих. Возродилась как птица Феникс. Ты не поверишь, но мне и

правда хорошо. Можно сказать, я счастлива.

Нинка словно светилась изнутри каким-то странным, еле мерцающим светом.

– Что ей такое вкололи? – подумала Туся, но вслух ничего не сказала. Она была рада, хоть ненадолго увидеть в почерневшей от горя Нинке, прежнюю ясноглазую девчонку.

Подруга Наташа, или в кругу семьи просто Туся, приехала в Питер вслед за Семеновыми. Они учились вместе с Нинкой с первого класса, сидели за одной партой и были лучшими подругами. Но сразу после школы Туську увез в горы Кавказа горячий джигит, тщательно подобранный для нее родителями. Ее папа был наполовину армянин, и, хотя всегда считал себя русским, с возрастом вдруг решил возродить древнюю династию Окопянов. Туська, толстушка-блондинка отлично годилась для этих целей. Они отдали ее дальним родственникам и не видели целых три года, надеясь, что скоро молодые вернуться и привезут с собой целый выводок шумных окопячиков, продолжателей рода. В течение нескольких лет по телефону Туся ровным голосом автоответчика докладывала отцу, что все у них хорошо, а затем передавала трубку мужу. Тот, обычно громко похохатывая, рассказывал о последних новостях в деревне. Об урожае или засухе, о винном погребе и новом сорте винограда, о том, как отелилась коза. И родители Туськи жили в полной уверенности, что дочь отлично устроилась на новом месте. Вернулась Туська домой лишь спустя три года. Под покровом ночи она пробралась в отчий

дом, избитая и худая, словно беженка из дальних стран. Ей чудом удалось сбежать от мужа – садиста. Помогла свекровь, которая однажды случайно увидела, как он издевается над молодой женщиной.

Окопян был статным молодым мужчиной, любимцем женщин. Он, как и Туська, отчаянно ждал наследников, но младенцы отказывались к ним приходить. За два года – три выкидыша и печальный диагноз врачей – Туська бесплодна. Окопян метал громы и молнии и винил во всем жену. Мол, нагуляла сучка до него, нахватала, тварь, половых инфекций и теперь родить не можешь. Он бил ее крученным полотенцем, чтобы меньше оставлять следов. Когда свекровь увидела подобную сцену, было уже поздно. Туська была перелома-на изнутри как старая зубочистка: она впала в глубокую депрессию, отказывалась есть, и не хотела никого видеть. Втайне от всех, свекровь купила ей билет на ночной поезд и отправилась домой.

Тетя Эмма, мама Туськи, позвонила Нинке в Питер, когда та укладывала Сашку спать.

– Ниночка, вы же со школы были подружки, не разлей вода. Ты ей как сестра. Позови ее к себе в Петербург, вдруг она приедет. Я не знаю, что делать. Девочка моя лежит целыми днями лицом к стене, ни с кем не разговаривает. Ни ест и не пьет. Даже не плачет. Глаза будто высохли, как соленое озеро. Отец во всем себя винит, совсем с ума сошел. Бегал вчера с ружьем по квартире, кричал, что поедет, пристрелит

эту сволочь. Ты бы видела, в каком виде она приехала – лицо в синяках, на спине живого места, везде шрамы, порезы на руках. Врачи говорят, он ее металлической пряжкой ремня бил. Бедная моя девочка. Моя малышка. Тетя Эмма горько заплакала.

Пока Нинка раздумывала как быть в такой ситуации (все-таки не виделись сто тысяч лет, а в однокомнатную квартиру поселить сошедшую с ума подругу было страшно) Семенов на следующий день поехал на юг и забрал Туську. Он знал ее с раннего детства – городок небольшой, их дворы стояли бок-обок. В Туськином дворе росла огромная шелковица, на которой они строили домики и играли всей шпаной. Дядя Эдик разрешал им лазить в свой двор и есть плоды шелковицы в любое время. А маленькая Туська приносила бутерброды, для которых они спускали пластиковое ведро на веревочке. Туська была настолько безобидным существом, что Семенов с трудом представлял, как кто-то мог поднять на нее руку. Это все равно, что долго и мучительно избивать котенка бейсбольной битой.

Неизвестно, каким чудом ему удалось уговорить Туську, но она воспаряла духом и решила начать жизнь с нуля. Тем более, что для нее, которая за всю жизнь видела только крошечный морской городок, да деревню в горах, северная столица была чем-то вроде Марса. Она согласилась уехать только потому, что там был другой мир. Мир, в котором не надо было стесняться прошлого, где никто тебя не знает и самое

главное – знать не хочет. Уехав из дома, Туська заметно повеселела. Чувствуя, что у нее как у змеи полностью меняется кожа, она изучала новое пространство. Она могла целыми днями ходить по улицам Питера, принюхиваясь и прислушиваясь, словно сторожевая собака. Туська не ошиблась в своих ожиданиях – этот мир был совсем иным, нежели те, что она знала раньше. Город имел солоноватый привкус воды, также, как и ее морская деревня, но это был совсем иной привкус. Смесь сырости, легкой грусти, ветра и тумана. Туське нравился этот коктейль «достоевского», и она с удовольствием бродила по бесконечным набережным, насыщаясь им до предела. Здорово, что тут тоже было много воды – день за днем Нева очищала ее душу и смывала горькие воспоминания. Девушке нравился каменный рукотворный город, а причудливые дома с вычурной лепниной манили зайти вовнутрь и остаться там навсегда. Но каждый раз, попадая за красивый фасад очередного старинного здания, в душе Туськи начинало твориться нечто странное. В эти моменты ощущение легкой опасности достигало ее сразу на входе в старые дома. Легкий мороз бесшумно заползал под кожу в дикой питерской смеси облупленной роскоши и красоты. Дубовые резные двери, старинные плитки печи или остатки мозаики на потолке, – все это было разрозненными кусочками прошлого. Прошлое будто бы просачивалось, проявлялось то тут, то там прямо из небытия, на глазах у изумлённой провинциалки. Прошлое было не добрым и не злым, оно просто было

тут всегда. Поэтому Туську никогда не покидало ощущения второго, невидимого мира по соседству. Очевидно, ей было и то, что город, будто ночной дикий зверь, также тщательно принюхивается к ней, как и она к нему. Она была чужой, пришлой для этих мест. Город отлично знал об этом и теперь, словно раздумывал, принять ее или выгнать вон.

После переезда, Туська поселилась вместе с Нинкой и ее семьей в небольшой съемной квартире и пошла учиться на курсы бухгалтеров. В школе ей неплохо давалась математика, и девушка решила использовать свои способности в области чисел. Спустя некоторое время она устроилась бухгалтером вино-водочный магазин, и, спустя несколько лет, наконец, смогла снять отдельное жилье, чтобы больше не стеснять друзей. Но Сашка, ее крестница, со слезами повисла на ней, умоляя остаться.

– Туся, Тусенька! Я буду учить математику! Клянусь! Я выучу все завтра же, – выла девочка, ползая по коридору и хватая Туську за ноги, чтобы та не смогла уйти. Это рвало сердце Туськи на части. В первый день, после того как она объявила о своем переезде, ей пришлось сделать вид, что она поживет еще несколько дней у друзей. А потом удрать днем, пока Сашка была в школе. Но как только она представила себе, как Сашка увидит, что ее вещей нет на месте и как начнет рыдать и громить все кругом, ей стало худо. Бросив не распакованные коробки в коридоре, как побитый пес, Туська пришла встречать Сашку из школы. Лучше уж так, расска-

зять ребенку все честно. Они пошли в кафе. Сашка обожала картошку и гамбургеры, и Туська решила подъехать к ней на хромой козе американского общепита.

– Саш, мне придется переехать. Дом совсем недалеко, ты будешь приходить в гости, когда захочешь. Твои родители должны жить своей семьей, это нормально. А мне ведь тоже не помешает выйти замуж. Что думаешь?

Сашка радостно жевала, кивая в такт каким-то ритмам из динамика. Ей достался человек-паук в хеппи миле. Она натягивала резинку и отпускала, натягивала и отпускала. Когда Туся проговорила свои слова, Сашка отложила еду и серьезно на нее посмотрела. Для своих тринадцати она было очень умная и дерзкая.

– Я не останусь с ними. Я поеду с тобой.

– Саша, это твои мама и папа.

– Я не люблю их. Козлы вониючие.

– Так нельзя говорить, Саш. Ты очень меня огорчаешь.

– Какая тебе разница, что я говорю. Ты все равно меня бросаешь.

– Ты сможешь приходить в гости.

– Знаешь, что, тетя Туся. Иди ты на х..И предков моих захвати. Как я вас всех ненавижу!

Тут Сашка вскочила с места, опрокинув поднос с едой на Туську. Еще несколько подносов рядом полетели прямо на людей. Дети заорали, начался дикий переполох. А Сашка выскочила из кафе и убежала. В светлом пальто, залитом ко-

ка-колой и кетчупом, Туся с разбитым сердцем возвращалась в новый дом. С трудом лавируя между коробками, она подошла к окну и набрала Нинку. Та ответила сонным голосом.

– Да нормально все с ней. Поорала и спать пошла. Не парься, это же Сашка.

– Ты загляни к ней перед сном, ладно? И смотри, чтобы она окно не забывала закрывать, а то ухо опять заболит. Она мне сегодня опять жаловалась.

Надо сказать, Туська была единственным человеком в мире, который искренне любил Сашку и терпел ее дикие причуды. Конечно, они могли с ней ссориться, неделями дуться друг на друга, но потом снова были очень близки. Нинка этому не препятствовала, она была уверена, что ее подруга таким образом реализует свой материнский инстинкт, раз уж самой ей бог не дает. Кроме этого, для Нинки такая помощь была большим подспорьем. Она никогда не любила возиться с детьми. Говорили, что это приходит позже, когда ребенок начинает с тобой общаться, но к ней ничего так и не пришло. И даже намека не было на то, откуда это неведомое чувство должно явиться. До сих пор она как робот, выполняла свою материнскую социальную программу – кормила, поила, одевала и всячески выращивала нового члена общества. А то, что ее материнский инстинкт завял на корню, как только уперся в бесконечные проблемы с питанием, гулянием, невозможностью выспаться в течение многих лет, ее волно-

вало мало. Ну завял и завял. Как говорится, не всем дано. Так что поела, одела чистое белье и иди гуляй. Маме некогда, она работает.

Туська водила ребенка в школу и кружки, играла с ней на приставке, мастерила одежду для кукол. Нинкина подруга, казалось, была абсолютно счастлива в новом городе, и стала снова наливать соком как молодая дынька на бахче. И все бы ничего, но тот переезд Туси в другую квартиру стал для них четвертых переломным пунктом. Тысячу раз потом Туська корила себя за то, что бросила Сашку. Предала, несмотря на многолетнюю любовь. Сколько вместе они прожили в тесной комнатке съёмной хрущевки! Одно время у Сашки не ладилось в школе и Туська не знала как ей помочь.

Ленька из Пятого Б, мелкий бандит все время обижал ее – давал пинков и задирали юбку. Сашка рыдала, не понимая, как реагировать на столь странные знаки внимания. И когда однажды ночью, Туська услышала сдавленные рыдания девочки из-под одеяла, она прилегла рядом и сказала:

– Сашка, я хочу кое-что сказать тебе очень важное и очень взрослое. ТЫ знаешь, что мой муж сильно бил меня? Бил так, что я однажды чуть не умерла.

Сашка перестала всхлипывать и сделала дырку из одеяла, чтобы лучше было слышно.

Туська продолжала:

– Но я сама виновата. Потому что позволила ему это делать. Раз за разом я терпела, и терпела, и думала, что это по-

следний раз. После того, как он превращал мое тело в сплошной синяк, он неделями бывал добр и нежен. Заваливал меня подарками, обнимал и целовал. Даже котенка мне однажды подарил. Я назвала его Пушок. Но через месяц все повторилось вновь. Пушок спас мне жизнь, потому что он хотел попасть в меня дубинкой, но убил Пушка. Тот сидел у меня на плече. Если бы не он, муж сломал бы мне шею и все. Кердык.

Сашка окончательно вылезла из-под одеяла и смотрела на Туську немигающими, полными слез глазами. Потом прошептала:

– Какой козел!

– Да, козел, моя милая. Но я виновата сама.

– Туська, ты дура! Ты что такое говоришь? Может я тоже виновата, что Окунев меня бьет по жопе.

– Виновата.

– Ну ты и тупая. Правильно мама говорит – мозги у тебя как у курицы.

Сашка нырнула обратно под одеяло, законопатив все входы-выходы.

Туська нервно дернулась, но продолжила. Она скинула с Сашки одеяло целиком, обняла ее крепко и сказала:

– Да, мы виноваты сами. Мы слабые, а они сильные. Так природа распорядилась, что тут попишешь? Я только прошу тебя, не надо больше терпеть унижений. Надо сразу бежать, спасаться. Давай перейдем в другую школу? Или переедем в другой район? Ты не волнуйся, я поговорю с родителями.

На следующий день Сашку выгнали из школы, потому что она принесла мамин электрошокер и ткнула им в Окунева. Нинка была в ужасе, в школу вызывали милицию, родители мальчика хотели судиться с Семеновыми, и они чудом отделались небольшой взяткой. Как она орала на Туську! Даже наглая Сашка со страху забилась под письменный стол и отказывалась вылезать. Но Туське было все равно. Окопьян орал на нее миллион раз и куда громче. Иногда казалось, что с гор сойдет лавина – так надрывался тот придурок в попытке обидеть жену. К счастью, человек быстро привыкает ко всему и Туська просто перестала слышать язык криков. Для нее он в один прекрасный день навсегда стал открывающим беззвучно рот мерзавцем с гнилым желтым резцом слева. Она научилась выключать у него звук.

Вечером Сашка прижалась к ней дрожащим тельцем. Их кровати стояли рядом и Сашка в детстве регулярно залезала к ней под бочок. Поболтать о том о сем или даже просто поспать. Сейчас Сашке было двенадцать. Тело девочки потихоньку менялось, но характер оставался таким же бешеным, как и был с рождения.

– Туся, они хотят меня в больницу сдать для опытов. Сегодня врач приходил, вопросы дебилские задавал.

– Не переживай, я тебя никому не отдам. Спи. Что такого? Ты же защищалась, ты была в опасности. Больше так никогда не делай, только если окажешься на грани, между жизнью и смертью. Этот твой Окунев – подлец, получил по за-

слугам. Но зайка моя, злость еще никому не приносило счастья. Злость – она как опухоль, растет и растет, и еще требует пропитания.

– Как это?

– Взять, к примеру, тебя. Ты – маленькая девочка, в которой поселилась обида. Начнешь ее кормить всякими мыслями горькими, начнешь злиться, кричать – обида будет расти и пухнуть в тебе как тесто на окне. Помнишь, я пирожки делала и тесто из кастрюли выперло на подоконник. Вот так и твоя обида. Забудь про нее, просто отпусти Окунева. Он здорово испугался

– Ага, обосрался по полной!

Сашка начала безудержно смеяться и кататься по кровати.

ПОНЕДЕЛЬНИК. Хемера Селенес. Луна. Переход

Вода ушла, оголив песчаный берег и миллионы подводных обитателей. Тело так страшно болело, что Туська не смогла встать на ноги – лишь беспомощно смотрела как мимо ее носа в панике туда-сюда шныряют маленькие морские блохи, рачки-отшельники. Прилетела чайка и тоже долго и пристально всматривалась в туськино лицо.

–Кыш, кыш, – закричал на нее дворник. – Чайка с недобрым криком исчезла высоко в небе. Старик в старом резиновом фартуке, стараясь не наступать на ракушки, и мор-

щась как от боли при каждом их случайном похрустывании под кирзовыми сапогами, осторожно подошел к Туське и легонько потыкал ее палкой от метлы. Туське показалось, что боль сейчас разорвет все тело. Она застонала:

– Дедушка, где я? Я ранена? Все болит...

Дед отпрыгнул от нее в ужасе как ошпаренный. Потом понял, что она действительно жива, и присел рядом на корточках.

– Ну и дела! Ты что, прямо сюда свалилась? Без карантина, осмотра врача и заключения Главка? Это ж как такое возможно? Развели в стране бардак!

– Не знаю, дедушка. Мне кажется, я упала в воду и меня вынесло на берег. Помогите мне пожалуйста.

– Я бы помог, но от меня, пойми, тоже не все тут зависит. Я всего лишь собираю человеческий мусор. А ты – явно не мусор.

Вода вдруг начала резко прибывать. Туська, не в силах больше оторвать голову от песка, смотрела как волна медленно, но, верно, подступает прямо к ее носу. Но сил встать с места или хотя бы отодвинуться на полметра у нее не было. Вода вот-вот грозила заползти в рот и уши, волосы намокли, Туська начала кашлять.

Дед озабоченно покряхтел еще немного, потом расстелил брезент, перекатил на него Туську и потащил за собой куда-то по берегу. Под шум волн и крики чаек Туська задремала, а когда очнулась, то увидела, что они со сторожем плы-

вут по темной реке. Это было удивительно красивое место. Река, словно была немного утоплена под крутыми зелеными берегами, а деревья вдоль воды росли из берега вниз и вверх одинаково симметрично. Но только подводные кроны были куда мощнее «наземных», и чем глубже они продвигались по этой загадочной «хуанхэ», тем больше деревьев оказывалось в воде, прямо под лодкой. Какое-то время они плыли по тоннелю из леса. Туське между тем становилось все легче и легче дышать. Боль отступала и уже не казалось, будто ее тело разрубили на тысячи кусочков. Кое-как девушка смогла наконец присесть и оглядеться. Дед был явно недоволен происходящим, поэтому она больше не лезла к нему с расспросами. Главное найти мобильный, а там уже кто-нибудь ее выручит из этой глуши. Она помнила, что упала в воду и ее унесло быстрым течением. Но где, как и при каких обстоятельствах – неизвестно. Дед вдруг зачерпнул что-то в воде и протянул ей красное яблоко.

– Держи, это еще ваши, верхние. Запаси побольше, ешь каждый день и скоро поправишься. Запоминай, что говорю. Надо запасти много лечебных кругляков, потому что яблоки уже отходят. Первое время ты будешь все время спать, так многие из ваших осуществляют переход. Или как там у вас говорится – адаптацию? Вот. Но все время тоже не спи, шевелись иногда. иначе впадешь в анабиоз как жаба зимой. А ты не жаба, тебе надо двигаться. Можешь?

– Туська попробовала пошевелить пальцами ног и рук, но

ее словно парализовало. Как ужасно чувствуют себя те, кто не имеет такую возможность – двигаться. – У Туськи пока- тилась по щеке слеза и взгляд деда сразу потеплел.

– Ну, ну, не грусти, – потрепал он ее по голове. Будешь делать что говорю, встанешь на ноги за пару недель. А к тому времени я пошукаю в Главке, кто ты и зачем сюда явилась. Может и получится выпросить тебе хорошее местечко. Не все еще в городе забыли деда Главка, есть там и наши люди помимо мерзавцев тритонов.

Дед пришвартовал лодочку к небольшом зеленому берегу, сгрузил Туську с лодки обратно на брезент и затащил в деревянный домик. Какой интересный архитектурный проект – подумала Туська, когда увидела это сооружение. Домик был перевернут и стоял на крыше. Они зашли в дом через чердак. При этом дворник уже не тащил девушку с большим трудом, как это было на песке, а двигал легко и свободно, будто бы передвигая ее по плотному воздуху. В темной комнате висел большой гамак, и дед положил Туську туда. Из большого мешка, что стоял около окна, он высыпал прямо на девушку несколько килограмм красных запашистых яблок.

– Говорят, кругляки возвращают силу и память. Нам их нельзя есть, к сожалению, а то бы я мигом бабулю на ноги поставил. Полежи пока тут, не вставай. У меня жена больная наверху, если шум услышишь, не пугайся. Бабуля моя – хорошая женщина, но немного не в своем уме, у нее случаются приступы агрессии. Что бы не происходило, лежи в

гамаке как мышшь и не высовывайся, иначе быть беде. Я стогняю в центр, все узнаю и вернусь за тобой. Договорились? Но Туська уже не слышала его, она уснула сном младенца и ей приснилась Сашка. Вначале девочка весело смеялась, а потом начала плакать от боли. С ней творилось что-то страшное и Туське надо было спешить. Громкий крик, лай собак, вой и скрежет раздавался везде. Страшное рычание дикого зверя разбудило девушку и она, дрожа от страха, обнаружила себя в гамаке. Кто-то большой, многоногий ходил мимо нее и нюхал воздух. Потом, словно волк-оборотень, завыл протяжно и горько. С причитаниями, плачем и подвыванием. Существу явно было еще хуже, чем ей. Туська с осторожностью выглянула из гамака. На мгновение ей показалось, что рядом с ней извивается гигантское чудовище – с шестью собачьими оскаленными головами, с пучками змей вместо ног и рук. Но через секунду туман словно упал с ее глаз и перед ней на полу оказалась бьющаяся в припадке бабуля с седыми растрепанными волосами. Туська вылетела-выскочила из своего убежища и кинулась к бабушке на помощь. Она подняла несчастную на руки как пушинку и положила на деревянную лавку. Потом смочила в ведре тряпку и обтерла ей лицо. Бабушка попила воды и уставилась на Туську как на диво дивное.

– Не боишься меня? – с трудом то ли проскрипела, то ли протявкала старуха.

– Вы главное не волнуйтесь, бабушка, приступ прошел.

Дышите глубже, все хорошо. Дышите на счет. Повторяйте за мной. Раз, подышали, два подышали. Равномерно надо.

– Раз подыши! Два подыши, – как попугай повторила старуха. Она была похожа на инопланетянина, который подстраивает свой речевой аппарат под земную речь. Хорошо, хорошо, – разминалась она. Потом, кое-как начав управлять языком, спросила.

– Ты что тут делаешь, дитя человеческое?

– Я не знаю. Помню аварию, помню, что я упала в ледяную воду. И больше ничего не помню. Хотя нет... еще помню одну родную девочку, которая тоже тут и мне нужно ее найти. Но очевидно я сильно ударилась головой при падении, потому что не помню даже как ее зовут. У вас так бывает? После приступов?

– Приступы? Что это?

– Ну вот как сейчас было. Дед сказал, что вы больны.

– Больна, как же! Вот старый козел, ничего я не больна. Просто им всем выгодно держать меня тут, взаперти.

– Вам бы в больницу, бабушка. С такими приступами. Ведь сердце может и не выдержать однажды.

– Сердце? Что ты, девочка. Нет у меня давно никакого сердца. У нас в больницу попадают только такие как ты. И то, чтобы определить процент погружения. А потом – либо на каторгу, либо в службу к Тритонам. А они совсем обнаглели последнее время. Запретили Главку меня выпускать на свет божий. Ужас, я даже говорить разучилась за последнюю

тысячу лет. Как звать тебя, милое дитя?

Туська судорожно соображала, но не могла вспомнить. Она глупо улыбнулась бабке. Как две склерозницы, они отлично понимали чувства друг друга.

– Не помню. Как же так?

– У нас тут все равно другие имена. Хочешь назову тебя? Будешь моей крестницей.

– А если я вспомню свое прежнее имя, я смогу им пользоваться?

– Ох детка, я станцую румбу на всех своих двенадцати ногах, если вспомнишь. А пока что нарекаю тебя Невеей, дочерью реки.

Вдруг маленькая комнатка наполнилась громким лаем, как будто свора охотничьих собак заскочила разом вовнутрь. Бабуля вздрогнула и засуетилась.

– Дед идет, похоже с плохими новостями. Прячься обратно и сделай вид, что спишь. Быстрее!

Туська подпрыгнула и мигом оказалась закопанной в груде яблок. Она слышала, как с грохотом распахнулась дверь, и старик начал орать:

– Ты почему внизу? А ну пошла отсюда! Наверх, наверх. Кому сказал!

– Не труби, Главк. Я в сознании, девушка ничего не видит.

– Как не видит?

– У нее особенность перехода, она многое слышит, но пока еще нас не видит.

Дед поутих, смолк хохот и лай собак. Вдруг он заплакал. Горько, как мальчишка.

– Милая, это правда ты? Ты вернулась?

– Невея это сделала. Тихо, не плачь, я пока тут. Сама не думала, что смогу. Девка эта необычная, истинно говорю тебе. Она теперь под моей защитой, так и скажи этим придуркам Тритонам. Они ее не получают.

– Что ты, что ты! – закричал дед. Я изо всех сил тебя тут прячу, куда нам еще одна нахлебница. В центре намекнули, что мы под прицелом, Тритоны нам не доверяют. – Дед горячо зашептал – На меня пришел донос, что я верхних запускаю. Хотя было-то всего несколько раз такое со мной.

Старею я Сцилла, сентиментальный стал. Ничего не могу с собой поделать. Детей земных жалеть начал. И вот недавно я, старый дурак, опять дал слабину, мальчика одного отпустил обратно. Мне казалось, он доплывет, но нет, завернули обратно. Мальчишке всего-то шесть, что ему тут делать? Он был вполне пригоден для возвращения. Спасатели на той стороне успели достать малыша до завершения перехода, пока дышал. Но тритоны жадные стали, им все больше и больше рабов подавай. Забрали себе. Жаль, короче мальчишку. А теперь вот кто-то пронюхал, что еще и девушка эта здесь, у нас. Поэтому от нее надо срочно избавиться. Я в полночь отвезу ее в больницу, пусть тритоны сами решают куда ее девать.

– Как ты можешь? Ты, Главк, один из сильнейших ко-

гда-то воинов, так предаешь себя? Где твоя гордость?

– Зачем ты упрекаешь меня, старуха? Это же все ради тебя. Я бросил все наши дворцы в городе и переехал сюда, чтобы мы могли спокойно быть вместе на старости лет. Ты давно уже не в разуме, не вмешивайся в эти дела! Я пообещал им, что будет полный порядок и выполню свое обещание. А тебе пора отдыхать.

– Я не хочу отдыхать. Я хочу поговорить, я с таким трудом вспомнила как это делается. Прошу тебя, не запирай меня опять.

Снова раздалось рычание, визги, скрежет. Туська заткнула уши руками и вскоре тяжелые шаги прошли наверх, и все стихло.

Медуза

После того случая с электрошокером Нинке засела в голову мысль, что подруга плохо влияет на ребенка. Семенов неожиданно оказался на стороне Туси и дочери, конфликт разгорался. В какой-то момент, проходя мимо кухни Туся услышала, как Нинка выкрикнула: «Найди этой приживалке наконец квартиру. Мужик ты или кто? Оплатим пару месяцев, а там уж как-нибудь путь сама. Или может ты решил ее удочерить?»

Туська поняла, что пришло время оставить Нинку и Семенова одних, чтобы они смогли побыть вдвоем и разобраться в столь непростых отношениях. Да и Нинка стала последнее время вести себя так, что Туська чувствовала себя деревенской бедной родственницей, которую терпят из жалости.

Нинка работала в популярном глянцевоm журнале, была на пике карьеры. Коллеги ее уважали и побаивались, а рекламодатели заваливали цветами и подарками. Дела Семенова тоже шли в гору, он начал скупать недвижимость, инвестировал деньги в акции и ездил по городу на дорогой тачке с персональным водителем. Круг их общения изменился, и теперь Нинка намного больше времени проводила с женами из корпорации мужа, чем с семьей. С тихой грустью Туська наблюдала как стремительно меняется подруга детства. Нинке казалось теперь, что она лучше всех разбирается в вопросах

моды, мужчин, курортов и воспитании детей. Она обожала новую квартиру, тратила дни и недели на то, чтобы подобрать плитку в цвет паркету или заказать из Италии резную деревянную кровать. Когда приходили «девочки», как ласково называла Нинка шоколадного цвета теток с силиконовыми губами и сиськами навывкате, Туська уходила гулять с Сашкой или старалась не высовываться с кухни. Однажды нинкина коллега разлила кофе на стол, и Нинка крикнула подруге: Туся, тащи быстро тряпку. Где ты там? Такая бестолковая, жуть.

– Детка, просто смени домработницу. В чем проблема? – подняла левую щипанную бровь, Нинкина гостья.

– Да надо бы, – промычала Нинка в ответ и быстро перевела тему.

Туся не обиделась, она давно не чувствовала боль или горечь обиды. Только грусть и печаль. Северный город захватил их всех в плен, воткнул катетер в сердце и теперь туда по ледяной стеклянной трубочке ежедневно поступал холод. Север подбирался к ним медленно, на мягких лапах серого дикого зверя. Вначале ты просыпаешься и чувствуешь онемение пальцев, потом снежинки на губах, затем морозное покалывание губ. И, оказывается, срочно надо было что-то с этим делать. Греться, растираться солнцем, обнимать любимых и сидеть с ними до утра у костра или камина, печь пироги и греть ладони на батарее. Тогда холод отступает. Беда в том, что они, южане, не сразу это осознали, а когда Нинка

вдруг начала превращаться в Снежную королеву, было уже поздно. Она никого не хотела слушать. Глаза покрылись тонкой коркой льда, а губы свело в одну презрительную нить. Утром Туська собрала свои вещи и теперь поджидала в коридоре Нинку, чтобы попрощаться. Нинка, не дрогнув ни одной мышцей, взяла у нее ключи. Лишь спросила, вставляя ухоженной рукой с огромными ногтями кофейную капсулу в кофеварку – «вызвать тебе такси?». Туська отрицательно мотнула головой.

– Присядем на дорожку?

Нинку аж перекосило. Как же она ненавидела в Туське эту провинциальность, не вытравить ее никаким дихлофосом! Но все-таки подруга переезжает, надо попрощаться по-человечески. Она поставила им на круглый обеденный стол по чашке кофе. Туська не стала снимать пальто, села прямо на чемодан, придвинув его ногой к столу.

– Послушай, Нино. Помнишь, в детстве я тебе рассказывала, что моя бабка была медиумом. Она запросто общалась с духами. Сидела, болтала с ними о разных делах – вот, как мы сейчас с тобой разговариваем. Ее считали юродивой. Дело в том, что бабуля утверждала, будто их деревня кишмя кишит призраками. В основном она видела умерших солдат. Говорила, что они ведут строевую подготовку у нее в огороде. Мой дед был единственным, кто верил в ее видения и не считал сумасшедшей. Он даже женился на ней, несмотря на то что родственники заклинали его не брать в семью

«чокнутую ведьму». А вскоре, на краю деревни начали рыть колодец и нашли там огромную братскую могилу – сотни, тысячи костей лежали вперемешку, будто гигантский блендер сделал шейк из человеческих тел. Стали копать дальше – еще хуже. Деревня, по сути, стояла на костях. Как только это всплыло, народ тут же толпой повалил к бабке – все захотели узнать последние новости загробного мира. Приезжали родственники павших солдат, которым бабка помогала находить тела. Как она это делала, одному Богу известно. Но генетическая экспертиза почти на сто процентов подтверждала потом ее слова. Бабуля говорила, что солдатики идут и идут к ней. Невозможно оказать беднякам, нет им покоя на том свете. Некоторое время бабуля жила на границе двух миров, пока дед не вытащил ее оттуда насильно и, под страхом смерти, запретил военным поисковиками соваться в их дом. Он видел, как любимая тает на глазах, потому что духи, какими бы дружелюбными не были, существуют только за счет энергии медиума. А бабка была мощь. Пока бабка работала проводником, местные жители сами часто натыкались на призраков. Бабкина сила помогала им материализоваться. Они до такой степени ее выкачали, что дед своими глазами видел в сарае висельника, а одна женщина даже родила раньше срока, потому что мертвый солдат с пробитой башкой и полусгнившим лицом заглянул в окно избы. Бабка сказала, что это был дед роженицы, он пришел с подарком. Но молодой женщине от этого легче не стало – она орала так,

что на дикий вой сбежалась вся деревня. Тогда старейшины решили держать совет – что делать, да как жить дальше, когда всякая нечисть среди бела дня по огородам шастает. Короче, пока бабу Элю селяне не спалили заживо как ведьму в средневековье, дед темной ночью собрал вещи, детей, запряг верного коня и убрался оттуда по добру по здорову. А роженица та, кстати родила вскоре здоровую девочку, а спустя некоторое время нашла в огороде стеклянную банку с золотыми старинными украшениям. Как она туда попала история умалчивает. Может мертвый дед все-таки подкинул золотишко младенцу на счастье.

Затем началось великое скитание. Так рассказывают в моей семье. Дед и бабка ездили по разным городам, но нигде подолгу не задерживались, потому что бабуля везде чувствовала присутствие духов. А потом они приехали в гости к брату, который жил у моря, да там и остались. Говорят, бабуля больше не общалась с призраками. По крайней мере виду не подавала. Мне она говорила, что если ЭТО придет, то я сразу почувствую рядом другую жизнь. Я была тогда совсем маленькая, лет пять, наверное. Я помню, как спрашивала ее – «Бабуль, ты что, сидишь вот сейчас, ешь борщ и видишь перед собой привидений. Белых и прозрачных как Каспер из мультика?» Она долго смеялась, а потом сказала: «Туся, деточка, если они придут к тебе, ты увидишь их НЕ глазами. Они постучаться прямо в сердце. Открывать им или нет – твой выбор. Я всегда помогала умершим, но за это не полу-

чила ничего, кроме проклятий живых. Но запомни, малыш, если ты получишь этот дар, тебе придется помогать людям. Но будь с ним осторожна». Баба Эля долго не прожила – однажды солдаты пришли за ней и увели на небо. Хотя потом мы еще встречались разок. Хочешь расскажу?

Нинка отчаянно хотела лишь одного – побыстрее избавиться от Туськи, и наконец, побыть одной, попить кофе в тишине. Пока так тихо и спокойно в доме, пока не пришла с тренировки Сашка и не принесла с собой раскаленный хаос. Но подруга никак не затыкалась. Нинка начала демонстративно красить глаза –хоть так дать понять бестактной Туське, что пора уже реально и честь знать. Туську это несколько не смутило, она продолжала.

– Однажды Окопян избил меня до полусмерти и запер в погребе. У нас во дворе был тайный погреб. Остался то ли со времен войны, то ли предки мужа вырыли яму в голодную годину. Сейчас никто уже точно не скажет. Зеленый люк незаметно лежал рядом с колонкой с водой, его замаскировали под канализацию. Там издревле хранили запасы на случай всемирного потопа все Окопяны. Погреб был прикрыт крышкой от обычного уличного люка, покрашенного зеленой краской, а под ним была огромная яма. Чтобы спустить в нее, надо было очень аккуратно проползти пару метров вниз по металлической лестнице. В тот день в порыве гнева Артур швырнул меня туда с размаху, я проломила голову и сломала руку. Муж оставил меня там истекать кровью.

Я лежала на полу, глядя вверх на многочисленные банки с соленьями и вареньями, многие из которых были заготовлены еще полвека назад. Как Алиса в стране чудес, я падала, падала вниз, в бездонную яму, а банки танцевали вокруг меня бешеную лезгинку. Постепенно я поняла, что силы покидают меня. Падая, я разбила большую банку с помидорами, и они красной жижей растеклись по полу, смешавшись с моей кровью. Не в силах пошевелиться, я дотянулась до большого острого осколка от банки. Было ясно одно – лучше так, чем истекать кровью по капле, медленно и мучительно. И тут вдруг из темноты вышла моя бабушка. Она присела около меня на земляной пол, оттерла со лба кровь и положила мою голову себе на колени.

– Держись деточка, скоро это все закончится. Нам дается ровно столько, сколько мы можем вынести. Ты сильная, малышка моя. И у тебя мой дар. Вспомни мои слова, когда окажешься подо льдом. А сейчас, давай-ка, бабушка тебя заплетет. Какие красивые у тебя волосы. И мягкие, словно шелк.

Я помню, что она запела старинную колыбельную песню, укачивая меня. Невыносимая боль сразу прошла, растворилась в темноте подвала, будто исчезающая струйка табачного дыма. И тогда, я впервые остро почувствовала, как тонка эта грань между миром живых и мертвых, как близко находится эта дверь. Стоит лишь протянуть руку. Просто мы, закутанные в кокон своих дел, редко ее замечаем. Моя бабуля всю жизнь решала чужие проблемы, не могла она и тут стерпеть,

когда ее любимую внучку медленно убивали. Свекровь, которая обычно к погребу и близко не подходит, так как боится высоты, решила спуститься вниз, чтобы достать варенье. Она потом рассказывала, что сидела на диване, смотрела любимый сериал про восточных красавиц в турецком гареме и вдруг страшно, до рези в желудке, захотела вишневого варенья. Говорила, что беременная так ничего не хотела, как в тот раз. А попросить было некого – муж на работе, сын уехал кутить с друзьями. Свекровь была уверена, что Туся поехала с ними. Женщина попыталась обмануть себя, заев странное желание колбасой, сыром и даже соленой рыбой. Но варенья хотелось все невыносимее, оно даже начало ей мерещится на полках с книгами. Тогда моя свекровь надела резиновые тапочки, чтобы не поскользнуться, и зажав в зубах фонарик, полезла в погреб. Там она обнаружила меня, лежащую в луже крови, и быстро, пока дело не приняло судебный оборот, отправила домой, к родителям. Рана на голове оказалось не такой уж страшной. Так, царапина. Даже непонятно было, откуда столько крови натекло. Врач, который осматривал меня, сказал, что на голове есть рубцы, которые давно затянулись. Спросил – в детстве с горки падала? Я точно помнила, что несколько раз маленькой ломала руки-ноги, но голову не разбивала никогда. Но тогда я не обратила внимания на свое волшебное выздоровление. Я ведь, как и ты, была в юности спортсменка-комсомолка, тонкие миры казались мне вымыслом сумасшедших старух. Но когда я пере-

ехала в Петербург, то стала очень странно себя чувствовать. Пойми, Нинка, это непростой город. Это не наша любимая Феодосия. Я всегда представляла место, где живу, в человеческом облике. Наш морской городок был похож на усталого рыбака. У него были мозолистые руки, прикрытые от бессилия глаза, а за спиной по песку волочилась длинная рваная сеть. Такая мне представлялась у него душа. А деревня, куда меня увез Окопян, была скрюченной армянской старухой. Она ходила, прихрамывая и все время ворчала. У нее были морщинистые руки и желтые от табака грязные ногти на руках. Но Питер – это что-то особенное. Когда я пытаюсь представить его душу, мне становится страшно. Это гигантская медуза, выброшенная на берег. Люди думали, что она – часть суши и выстроили там дома, заводы, магазины. Они воткнули медузе в глаза атомные электростанции, засунули в рот водопроводные трубы и думали, что окончательно обжились на новом месте. Но медуза никуда не делась и часто, когда я иду по городу я чувствую, как мои ноги проваливаются в слизь. Мне хочется двигаться быстрее, но вязкая субстанция держит меня, тянет вниз. И я смотрю под ноги и вижу там, внизу затянутых в слизистый прозрачный кокон людей. И мне не хотелось бы однажды увидеть там тебя.

– Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да, и я хочу, чтобы ты вызвала такси. У меня очень много дел.

Нинка всегда знала, что Туська, как и вся ее родня немно-

го «с прибабахом», поэтому никогда особо не обращала внимание на ее странные слова или выходки. В их городке о семье Туськи ходило много сплетен. Говорили, что ее мать – потомственная ведьма. Тетя Эмма, с ее армянскими иссиня черными, чуть на выкате глазами, отлично гадала на картах, но больше, по ее словам, ничего не умела. Она ни раз повторяла, что будь у нее хоть сотая доля дара матери, она бы давно зарабатывала миллионы на телевидении. А может и в ФСБ взяли. Про «черный глаз» тети Эммы впервые заговорили, когда Туськин муж-садист сразу после ее побега, упал со скалы и разбился насмерть. Поговаривали даже, что родители Туськи наняли убийцу, который столкнул бывшего зятя в пропасть, но доказательств не нашли. Кроме этого, следователи зафиксировали, что Окопян на момент гибели был чертовски пьян.

Чужаки

Нинка относилась к Туське снисходительно, как к деревенской неотесанной родне, но все же любила ее. Друзья детства – это наши родственники, а родственников, как известно не выбирают. Нинка не обращала внимания на слухи, которыми маленькие города, как известно кишат, хотя и отдавала себе отчет в том, что семейка подруги, мягко говоря, странновата. Понимала Нинка и то, как сильно изменилась она сама с момента приезда в северный город. С каждым днем она все больше вязла в том, что Туська называла «городская слизь», но ничего не могла с этим поделать. Новая жизнь диктовала новые правила. Молодая женщина знала, что многие завидуют ей и даже кичилась этим. Девчонки на работе с радостью бы поменялись с ней местами – недавно приехала из деревни, а уже руководила целым отделом. Многие ведь по десять лет такое место высиживали, а некоторые сотрудники ждали своего звездного часа всю жизнь, да так и остались ни с чем. А тут бац, оказалось, что Нинкин муж знает учредителя журнала. Пару рюмок виски в баре неподалеку и – Нинка на следующий день стала их начальницей. Ее дорогой японский джип на стоянке, мозоля всем глаза так, что однажды кто-то не удержался и разбил железной палкой лобовое стекло. Не ради того, чтобы украсть что-либо, а так, для социальной справедливости. Чтобы выскоч-

ка-лимита нос высоко не задирали. Коренные петербуржцы всегда готовы принять приезжих с распростертыми объятиями, если те бедствуют. Они готовы жалеть и сочувствовать неудачникам, алкоголиками и даже ворами. Город Достоевского не любит богатых и успешных – среди желтых облупленных стен старых домов, они выглядят безвкусно. Так в деревянном доме смотрится хрустальная люстра с золотыми канделябрами. Здесь понимают пороки, лечат душевные раны, уступают место в метро инвалидам и старикам, но люди не готовы к тому, что кто-то въедет в их жизнь на огромной тачке с движком 4.0 и будет учить уму-разуму. Такой все вокруг воспринимали Нинку, кроме разве что Туськи.

Увы, Нинка не умела, да и не любила жаловаться. В Питере она забыла, что такое разговор по душам. Новая высокая должность мешала ей общаться, будто дорогие и неудобные брекеты, клацающие на зубах. Постепенно она перестала пускать кого-либо в свою жизнь. Сидя по вечерам на мягком дорогом диване, Нинка сама с трудом уже вспоминала, какой была ее жизнь до того, как бабло посыпалось на них из рога изобилия, словно золотой дождь на Данаю. Быстро забылись прошлые печали и потери, и новая сытая жизнь теперь была единственной неизменной реальностью для молодой женщины. Да, раньше всякое бывало. Когда-то жизнь была ее по щекам с таким размахом, что многим и в страшном сне не приснится. Туська может сколь угодно пугать ее питерскими призраками, она и сама знакома с ними не понаслышке. Пси-

холог, которого теперь регулярно посещала Нинка, велел ей срочно все выкинуть из головы. Человек не может жить без мифологии, но не надо путать сказки и быль. После этого Нинка целиком и полностью погрузилась в быль, наглухо захлопнув все нежные органы чувств. И все же, все же. Туськин рассказ про бабу-медиума снова приоткрыл небольшое окошко в склад ее памяти. Что-то екнуло внутри. Как будто на пол заброшенного дома упали ключи – противно-звонко, подняв столб пыли.

Как и все "не местные" они с Семеновым сразу после переезда из славного городка у моря, столкнулись с такой проблемой как съемное жилье. На эту тему можно рассуждать часами, можно написать талмуды книг, потому что каждый переезд на новую квартиру был для их молодой семьи равен отъезду на ПМЖ в другую страну. Все дома в Питере были не похожи друг на друга, в каждом из них обитал свой дух. И хотя связь с духами всегда была прерогативой Туськи, тут даже циничная Нинка поняла – духи в старых дома есть и они, как правило, ненавидят чужаков. Первая съемная квартира была гордостью Семенова. Окна смотрели на самое старое место в городе, на начало всех начал – Петропавловскую крепость. Они-то дураки думали, что ангел на шпиле, будет их охранять. Как бы не так! Понаехали тут – размаха крыльев не хватит, чтобы прикрыть неразумных от всех бед. Да еще попробуй посиди на самом верху в дождь и снег – не то, что оберегать, смотреть по сторонам станет тошно. Да и

куда смотреть? Вниз? На вечно бегущих, утопающих по колено в талом снегу, проклинаящих жизнь, усталых, серых людишек? Если бы Нинка была городским ангелом, она бы по осени, как только закружат по Каменному острову первые желтые листья клена, срывалась бы с золотой иглы и улетала в теплые края вместе с птицами.

В первый день в новом городе, разложив кое-как вещи по шкафам, Нинка полезла в душ. Дом был старый, начала 19 века, и ванная чаша, по мнению семьи, была настоящим безумием. У нее были чугунные витые ножки в форме львиных лап. Сама чаша практически сгнила, и внутри нее хозяйева разместили белоснежный акриловый вкладыш.

Нинка переключила смеситель крана и с наслаждением подставила под струю усталую, после перетаскивания миллиона пакетов и коробочек, спину. Неожиданно в голове загудело, и женщина как подкошенная рухнула в ванну от сильнейшего удара. Ей показалось, что кто-то выстрелил в нее из лазерного оружия, расщепив тело на миллиард частиц. Нечто сильное и всеразрушающее проползло по ее венам, останавливая на мгновение кровь, и замерло комком в горле. Ни вздохнуть, ни крикнуть. Электрики подтвердили – похоже на то, что из крана вместе с водой проходит ток. Работники ЖЭКа облазили ванну вдоль и поперек, включали и выключали воду. Один мужик даже залез в ванну по колено, чтобы принять удар на себя. Хотя Нинку чуть не вытошнило от смердения его носков, она до последнего наде-

ялась, что проклятый ток обнаружат и изолируют. Попарив как следует ноги в белоснежной, намытой химикатами ванне, электрики заявили, что никакого электричества там нет и быть не может, и обиженные, что им не дали на бутылку, ушли. Когда они ушли, Нинка снова с осторожностью засунула руку под кран. И опять то же чувство удара, только гораздо меньшей силы. Чужой, как ни в чем ни, бывало, сидел в воде и не собирался никуда деваться. В тот момент, когда твое любимое тело вдруг становится проводником неизвестных существ, больше хочется умереть, чем еще хоть на секунду задержаться в львиной ванной. При этом Семенов мог часами там намываться, распевая песни, и с ним ничего не происходило. Нинка вначале с беспокойством, а потом и со злорадством ждала, когда же его наконец тоже долбанет током, но Чужой приходил только к ней.

Туська приехала в Петербург позже и не застала этого кошмара. Но она считала, что. Нинке крупно повезло, что она не чувствительна к близлежащим мирам и не видела того, кто ее атаковал. Возможно, увиденное было бы в тысячу раз страшнее, чем разряды электричества.

– Ты только представь на мгновение, сколько сотен людей тут жили, именно в этих стенах? – говорила Туська. – Это как наклеенные газеты под обоями – ты отрываешь кусок, а там каждый раз новый слой, еще старее предыдущего. И каждый обрывок хочет прошептать тебе свою тайну, передать послание. Сотни людей ходили по тому же полу, что

и ты, спали в тех же углах, умирали где-то рядом. Ведь Ленинград пережил блокаду, смерть заглянула в каждый дом, и многие умерли не своей смертью, а от голода и холода. Так что нет ничего удивительного, что их души до сих пор где-то рядом. Бабушка говорила мне, что нынешние люди выбирают совершенно непригодные места для жизни. И что она объездила пол мира, прежде чем нашла свою тихую гавань. К примеру, животные умеют видеть смерть и никогда не будут селиться там, где она ощущается, где погибли другие звери. А мы же продолжаем строить и строить на чужих могилах. Забиваем строительные сваи в черепа предков. А Петербург так и назывался издревле – «город на костях»

После того как Чужой шибанул ее так, что Семенов вызывал скорую, нинкиной семье пришлось срочно подыскивать новое жилье. Все хорошие квартиры приезжие разобрали еще летом, выбора почти не было. В результате, новый дом был еще трухлявее предыдущего – яркий образец старого фонда, в котором на глазах разваливается все, начиная от качающегося в разные стороны, будто флюгер, унитаза и заканчивая осыпающейся, стоит только кашлянуть, штукатуркой. Ванная комната в этой квартире выглядела ужасно – ржавые подтеки по стенам и на потолке, трещины в самой чаше, которую окружал со всех сторон покрытый черной паутиной времени полусгнивший советский кафель.

– Мама, мама, иди сюда скорее. Тут мыська, мыська какает, – радостно кричала Сашка из ванной комнаты. Нинка

с тапком в руке примчалась на зов. Внутри ванной, около слива сидела крыса и демонстративно гадила. Новые жильцы нисколько ее не смущали, она закончила свои дела и быстро свалила. Все вокруг было ветхим, вонючим и отвратительно старым. Но Нинка радовалась уже тому, что не умрет однажды, корчась под водой от разряда электричества, пока питевские духи радостно делят ее душу. Если крыса и была очередным городским приведением, то, судя по всему, вполне себе безобидным.

Бедная Нинка красила стены, белила потолки и не подозревала, что в новом доме ее ждет испытание посильнее, чем Чужой в ванной.

Их соседом по лестничной площадке был очень старый, благообразный дедушка, на вид – ровесник дореволюционного дома. Когда он поднимался по ступенькам вверх, казалось, будто движется не человек, а тень прошлого. Аркадий Петрович был вежлив и галантен. Он разговаривал таким удивительно красивым русским языком, который Нинка раньше никогда не слышала. Ей нравился звук его голоса. Она слушала старичка, как старинную музыку, часто не вникая в суть сказанного. Иногда они сидели у него на кухне и пили чай с кизилковым вареньем. Приглашенный голос соседа звучал так волшебно, будто за стеной играли на клавишине. И молодая женщина искренне радовалась тому, что впервые с момента их переезда в этот болотный и ветряный город, на ее пути попался человек, который столь искренне

и душевно к ней отнесся. После небольшой городка, где все вместе росли и дружили, так странно было заходить в каменный подъезд, напоминающий тронный зал средней руки, и никого там не знать. И почти ни с кем не здороваться. Бегом-бегом домой, в убежище.

Аркадий Петрович подарил Сашке подборку детских книг с красивыми иллюстрациями. Когда-то он работал в гимназии учителем, прекрасно знал мировую литературу, владел помимо английского еще пятью языками. Всю жизнь он обожал и боготворил одну женщину, которая когда-то его бросила. Он не любил об этом говорить, но вскользь упоминал, что его возлюбленная была певица, которая после революции иммигрировала во Францию. Личная жизнь у нее, как и у него, не сложилась, вдобавок она заболела, потеряла голос и, находясь в состоянии глубокой депрессии, покончила с собой.

Ее портрет Нинка видела один раз, когда зашла к соседу попросить перевести небольшой текст. Они делали для журнала подборку о коктейлях и нашли в интернете необычные рецепты на английском языке. Через приоткрытую дверь, ведущую в спальню, она увидела картину, которая стояла на полу. Рядом с женским портретом лежали засохшие цветы, свечи, какие-то письма. Этаким алтарь неразделенной любви. Женщина на картине была похожа на ангела. Увидев ее любопытный взгляд, старичок аккуратно прикрыл дверь и ненавязчиво увел гостью на кухню.

Нинка искренне радовалась их дружбе. Но однажды Нинка поняла, что в их квартире опять творится неладное – каждое утро у нее болит голова, днем подташнивает, а Сашка, известная своим бешеным темпераментом, ходит как сонная муха. Единственный, кто чувствовал себя мало-мальски нормально был Семенов. Скорее всего потому что часто мотался в пригород по работе, периодически оставаясь там ночевать. В тот день его тоже не было.

В тот день должно было произойти что-то особенное. Аркадий Петрович это чувствовал еще с утра. Он убрал квартиру, купил белые лилии, которые она так любила и почистил камин. Трескучий старый проигрыватель играл танго. Аркадий Петрович окончательно решил – сегодня или никогда. Сухие поленья громко затрещали, а на белых керамических плитках камина запрыгали красные блики. «Смотри, будто танец тропических бабочек, – говорила когда-то она»

В этот миг дом преобразился, вновь стал таким, как был раньше. Когда в подъезде сверкали начищенные до блеска зеркала и современные витражи, а сам Аркадий был безнадежно влюблен в оперную певицу. Она была замужем, но иногда приезжала к нему. Тогда он затапливал камин, и лежа на полу перед огнем, они пили шампанское и занимались любовью на шкуре оленя. Сегодня его возлюбленная снова пришла к нему. Она была так хороша, что сердце сводила судорога. Тонкие пальцы, накрашенные алым блеском губы и длинное черное платье до пят. Она вошла в дом еле слыш-

но, когда камин уже догорал, сняла перчатки и молча подошла к Аркадию Петровичу. От нее пахло весной и дождем, как тогда, на их первом свидании.

– Милая, прошу тебя. Останься со мной. Будь моей женой, я так устал без тебя.

– Поедем со мной, мой дурачок. Машина ждет внизу.

Она поцеловала старика в закрытые глаза.

Из окна Нинка видела, как странная пара вышла из подъезда и подошла к машине. Красавица в допотопном платье с огромным боа на плечах и элегантный молодой человек с тростью из слоновой кости. Машина тоже была из лавки древностей, с клаксоном наружу.

– Наверное, кино снимают, – подумала Нинка.

Но тут машина начала громко и пронзительно визжать. Зачем-то водитель изо всей силы нажал на клаксон. Нинка заткнула уши и начала было слезать с широкого подоконника, как вдруг увидела, что из подъезда вышла Сашка, ее дочь. Она тоже была как героиня кинофильма. Бархатное красное платье веером расходилось вниз. В волосах алел бант. Женщина с молодым человеком уже села в машину. Сашка подошла к ним, очевидно упрасывая прокатить ее в старинном авто. Нинка видела, как бледная незнакомка открыла окно, погладила Сашку по голове и указала на Нинку, торчащую в окне. Водитель продолжал давить клаксон, в голове у Нинки все шумело и крутилось в ярко-красном вихре под звуки аргентинского танго.

Семенов трезвонил и стучал в дверь, запертую изнутри. Его начинали одолевать нехорошие предчувствия. Была уже поздняя ночь и семья в любом случае не могла никуда уехать. Сам Семенов собирался остаться на ночь за городом, но, к счастью, обнаружил что забыл в коридоре на зеркале водительские права. При выезде из города был пункт ДПС и ему не хотелось рисковать. Семенов звонил долго-долго, но никто ему так и не открыл. К телефону семейство тоже не подходило. И тогда Семенов, притащив из машины монтировку, выломал дверь к чертовой бабушке. То, что он увидел, потрясло до глубины души. Дочка, бледная и холодная как первый снег лежала на кровати, а Нинка с запавшим языком валялась в коридоре в луже рвоты. Хорошо, что Семенов служил в армии, где их научили отличать живых от мертвых. Иначе он от ужаса рухнул бы с ними рядом. Семенов выволок семью из злополучной квартиры, с трудом запихнул в машину и повез в больницу. В тот же день выяснилось, что милый старичок, которым так восхищалась Нинка, давно выжил из ума, расковырял в комнате заложенный кирпичами камин и начал его топить. Задумчиво покачиваясь в кресле-качалке, любуясь ярко-красными языками пламени дедушка время от времени подкидывал дровишки до тех пор, пока сам не заснул вечным сном.

А Нинка с дочкой в это время за стеной медленно угорали. Дым из камина был невидимым и коварным. Он медленно подбирался к своим жертвам, забирался в легкие и угова-

ривал их немного вздремнуть. Всего лишь пол часика, чтобы освежиться. И, если бы Семенов вернулся хоть на пять минут позже, его жена и дочка оказались бы там, где давным-давно небесные архангелы заждались старичка-соседа. И неужели после таких испытаний, прожив с десятков лет в форменном хлеву, Нинка не заслужила право на спокойное существование и хорошее отношение со стороны окружающих!

Но ее предыдущая жизнь никого не интересовала, а выпирающее из джипа благосостояние мешало коллегам воспринимать ее как обычного человека. Для всех она была богатенькой женой нового русского, которая решила развлечения ради поработать в модном журнале. Богатая сука – именно так называли ее за глаза. Общественное мнение в любом коллективе формируется единожды, раз и навсегда. И пробить эту броню можно было только став такой несчастной, чтобы всем, включая уборщицу тетю Маню, захотелось тебя пожалеть. Чтобы они могли при виде тебя сделать горестное лицо, выпятив губы куриной жопкой, а потом сказать остальным – бедняжка, вот же не повезло. Такой она вскоре и стала, после предательства мужа. Несчастной брошенкой на радость всем.

Это была клиническая смерть длиною в несколько месяцев, в течении которых Нинка двигалась, решала проблемы, проверяла дневник дочери, автоматически правила на работе тексты, но при этом была мертва. Нинка понимала, что многие через это прошли, что надо взять себя в руки, что

она все еще молода и хороша собой и т.д. но какие-то клетки в ее организме с момента ухода Семенова стали отмирать, и она боялась, что проснувшись однажды утром, услышит как в ее теле словно в водосточной трубе гулко завывает ветер – так пусто там было. И когда она попыталась убить любовницу Семенова, что-то резко изменилось у Нинки в душе. Где-то там, в далеком космосе произошел взрыв, и теперь черная дыра поглощала белую. Лежа в больничной палате, Нинка неделями смотрела в розетку в стене, пока не почувствовала, как пустота в груди стала с грохотом наполняться. Будто в высохший жестяной бак для сбора воды сунули шланг и открыли вентиль. Жгучей ледяной струей в нее потекла и наполнила до краев ненависть. Никогда в жизни Нинке ничего так не хотелось как истиной справедливости. Чтобы правда восторжествовала, чтобы эта сучка пережила бы такие же танталовы муки, что и она сама. Гореть тебе в аду, тварь! – подумала Нинка, проваливаясь в сон без сновидений.

Глядя на спящую на больничной койке подружку, Туська с облегчением заметила, что лицо Нинки просветлело и горькие морщины в уголках рта стали понемногу разглаживаться. Если б она только знала, что ее любимая Нинель большое никогда не будет прежней.

ВТОРНИК Хемера Ареос. Марс. МЕНТА

Ночью в полной тьме Туська почувствовала, как по ее ру-

ки ползет змея, или что-то похожее на нее, холодное и чешуйчатое. Оно обвилось ее шею и голову. Но, как ни странно, страха или отвращения у девушки в тот момент не возникло. Наоборот, было ощущение тепло и уюта. Как будто кот-мурлыка пришел ее согреть холодной зимней ночью на печи. Потом она услышала шепот бабули – Невея, детка, выходи скорее во двор.

Наощупь Туська попыталась вылезти из гамака, змеиный хвост помог ей зацепиться за край и подтолкнул в сторону выхода. На небе висела гигантская красная луна, отлично освещающая все вокруг. Она наконец поняла, откуда весь этот лай. Старички держали целую псарню. Бабуля восседала в центре собак, смиренно спящих у ее ног.

Туська потрепала одну по загривку и села рядом. Бабуля смотрела на нее во все глаза и улыбалась. Под светом луны ее глаза были молоды и блестели золотом.

– Жаль тебя отпускать детка, ты такая добрая. Давно ни от кого я не видела столько тепла и света. Но я не хочу, чтобы ты сгнила в застенках тритонов. Я сама там провела долгое время, поэтому знаю о чем говорю. А теперь слушай меня внимательно, моя названная дочь Невея. Этот мир, уже не такой как раньше. Все теперь перевернулось с ног на голову. Тут все, наоборот. Но я уже плохо соображаю, лучше всех устройство местного порядка тебе объяснит моя племянница Мента. Она девушка молодая, с активной жизненной позицией. Я с ней уже связалась, ее гиппокамп ждет тебя на

Первом Мосту. Добраться туда легко для нас, но ты можешь уснуть под шум деревьев, и это тебя погубит. На ближайшем Мосту уже дежурят люди Тритонов, они сразу же схватят тебя. Здесь-то дед держит меня на отшибе, чтобы никто не нашел, но за мостами начинаются чужие владения. Это опасные районы для таких отщепенцев как мы. Поэтому твоя цель – Первый Мост. Я не буду рассказывать тебе про разных персонажей, что могут встретиться по пути. К счастью, ты их не видишь из-за того, что совсем недавно прибыла сюда. А может быть кто-то ведет тебя, я не знаю. Но ты будешь слышать и чувствовать много странного, просто постарайся не обращать на это внимания. Накройся брезентом и не высывайся лишний раз. Давай, прыгай в лодку, девочка. Только, не спи! Да хранит тебя Посейдон. Скорее, скорее, пока дед не проснулся. Яблоки на, возьми в дорогу!

Туська легла в лодку и поплыла по течению. Это было удивительное путешествие. Кроны деревьев почти смыкались над водой, но в просветах между ними летали яркие птицы, светили звезды и луна. Совсем высоко в небе пролетали самолеты, больше похожие на гигантские светящиеся корабли без крыльев. Потом она услышала, как прекрасный женский хор затянул пронзительно грустную песню. Слезы потекли по лицу, Туська грустила, сама не понимая о чем. Сашка, Сашка, – вертелось в голове. Она поняла одно, что ей нужно найти девочку, чей образ уже почти расплылся в небытии, но все же преследовал ее повсюду. Крики, шум фар, всюду

стекла, не хватает воздуха.

Туська проснулась от того, что лодка с грохотом во что-то врезалась.

– Первый, первый! Проверь что там справа. Кажется у нас гости, – услышала она зычный мужской голос и вжалась в лодку. Бабуля предупреждала ее, что спать по пути – чрезвычайно опасно. Кто-то схватил ее за руку когтистой рукой. Сердце Туськи ухнуло в пропасть.

– Быстрее, сюда! Я Мента, твоя сестра, будем знакомы.

Девушка с маникюром в четверть метра, выдернула ее из лодки и посадила на коня.

– Давай, Карасик, вывози родимый!

Они полетели по ночному лесу. Вдали остались крики солдат, выстрелы, ржание лошадей.

– Сейчас придется тебя спрятать, тут всюду тритоны. Мента подняла свой огромный шлейф ярко зеленого блестящего платья и накинула на Туську. Пахло тинной и жухлой листвой, все вокруг стало настолько пронзительно ярким и зеленым, что Туська закрыла глаза и почувствовала себя невидимкой. Они заехали во двор, Туська спешила и, пока Мента запирала гигантский кованный забор, она с изумлением огляделась по сторонам. Здесь, в отличие от домика стариков, все было залито солнечным светом. Небольшой желтый особняк с белыми колоннами тоже стоял вверх ногами, но заходить было в него очень удобно. Наступив на аккуратный портик с гипсовым орнаментом, Туська вслед за

зеленой девушкой попала вовнутрь. Огромная люстра торчала прямо из пола в середине большого зала. Она была стилизована под фонтан, вокруг самого светильника был разбит небольшой бассейн с золотыми рыбками. В целом же остальной интерьер в доме был обычный, не считая того, что сам дом перевернут наоборот.

– Скажите, это такая мода в вашем городе, что дома стоят на крыше?

– А у вас, нет? – удивилась Мента, подошла к окну, которое росло из пола и задернула шторы. – И как вы заходите в дом?

– По лестнице, через дверь.

– Это очень опасно при наводнении, может ведь затопить. А тут места топкие. У вас, видать, посуше. Чай будешь из ламинарий? Свежайший, только вчера привезли. Дедуля передал гостинцев.

Туська попробовала вспомнить свой дом, но не смогла. Возможно, во всем виновата травма головы, поэтому все вокруг кажется ей таким странным.

– Дело в том, что у меня амнезия. Я ничего не помню из прошлой жизни. Иногда какие-то картины встают перед глазами, но тут же исчезают как туман. Вроде была авария... Но я не теряю надежды все вспомнить. Сегодня мне гораздо лучше, чем несколько дней назад.

– Скажи спасибо бабуле Сцилле, что отправила тебя сюда. Они с дедом дикарем на границе живут, в местах, с точ-

ки зрения экологии, не совсем хороших. Забирают силы. А у нас тут и вода чище и воздух. Жаль, что старикам сюда нельзя. Но я к ним регулярно заезжаю, рассказываю свежие новости, продукты подкидываю.

– Почему им сюда нельзя? Из-за собак?

– Собак? Ах, елки-палки, ты же не видишь ничего. Да, да. Из-за собак главным образом. Змеи тоже – помеха в большом городе. Змей бабулиных видала?

– Нет. Она еще и змей дома держит? Кошмар какой!

Мента не выдержала и расхохоталась так, что ее рыжие длинные локоны взлетели и на миг повисли в воздухе как в невесомости.

– Прикольно, наверное, видеть мир после контузии. А меня как ты видишь?

– Ты очень красивая.

– Такая как ты?

– Намного красивее. У тебя ноги от ушей, как у нас говорят.

– Ноги? От ушей?

Мента еще долго не могла остановить свой звонкий залиvistый смех. Испуганные рыбки вокруг них взлетали от каждой новой вспышки хохота как небольшой разноцветный фейерверк.

Она каталась от смеха по траве пока не прибежала испуганная прислуга с чашкой воды. Видимо, для них это было привычным делом. Слуги посадили Менту на скамейку, по-

хлопали по спине. Она откашлялась, попыталась принять серьезный вид, но ей будто снова попала в рот смешинка. Рыжеволосая красавица начала икать и пить воду из рук женщины в длинном платье и прозрачной широкополой шляпе в форме гигантской капли.

– Спасибо, дорогая. Ох насмешила. Ноги... Все, молчу, молчу. Ты тоже красивая. Но правда слишком старомодная. Нет, ты ничего не подумай такого, я не критикую. У каждого свой стиль, я с полным уважением твоему имиджу. Но он может нас выдать. На днях займемся твоим внешним видом. Нужно сделать тебя целиком и полностью одной из нас.

Место, где жила Мента, казалось куда более невесомым с точки зрения гравитации, чем дача сторожа и его бабули. Туська со временем стала замечать, что для того, чтобы подняться на второй этаж, ей почти не нужно делать лишних усилий. Достаточно было слегка прикоснуться рукой к перилам, и девушка как пушинка взлетала вверх по лестнице. В тот же вечер Мента ей рассказала драматическую историю стариков. Оказывается, баба Сцилла заболела однажды редкой и неизлечимой болезнью.

– Говорят, они в то время были еще молодые. Я тогда и не родилась еще. Жили счастливо, но потом кризис каких-то там тысячи лет, то да се, решили разойтись. Короче, что-то там не поделили, дед ушел к другой. Но заново жениться не спешил, все надеялся, что Сцилла его обратно позовет. Видя такое дело, разлучница навела на нашу бабулю, жену

Главка, порчу, и та заболела. Вначале не сильно болезнь проявляясь, а потом все хуже и хуже. Бедняжка стала целиком и полностью терять разум, бросаться на окружающих, однажды перерезала, а потом еще и утопила экипаж большого судна, что проходило рядом. Нарушила древнейшую конвенцию мостов, слила к чертям собачим все политические договорённости. Скандал был дикий! И тогда на совете было принято решение ее усыпить.

– Бабушку? Они хотели усыпить бабулю как собаку?

– Видишь ли, у нас это считается вполне себе гуманной казнью. Но слушай дальше.

Тогда дед, а он был в те времена тут самым главным руководителем, даже выше Главного Тритона, предложил обмен. Снял с себя все полномочия и свое высокое положение в обществе в обмен на жену. Он забрал несчастную Сциллу из тюрьмы, увез в лес, и с тех пор они живут совсем изолированно и одиноко. Главк теперь собирает мусор на песке, приглядывает за бабулей и ее зверинцем. В целом нормальная жизнь. Я вот думаю, что он ее по-настоящему любит, раз так поступил. Редко сейчас встретишь настоящую любовь.

Смешливое лицо Менты будто закрыло облачком. Но тут же развеяло. Рыжеволосая красотка не умела долго грустить. Смех был неотъемлемой ее частью.

Старики мои оба очень смешные, – продолжила Мента. – Не успела бабуля прийти в себя, как тут же, назло ему решила переправить тебя к нам. Дед там, говорят, в бешенстве, но

сделать ничего не может. Ему и в голову не приходит, что мы тебя спрятали в самом сердце города, под носом у правительства. Короче, с моей родней не заскучаешь! Но ты мне нравишься, я думаю мы подружимся. Я ведь из верхних раньше никого не встречала. Знаю, что для них построили какие-то то ли казармы, то ли гостиницы под Третьим Мостом, но сама там ни разу не бывала. Жаль ты ничего не помнишь, но может оно и к лучшему – меньше будешь болтать. Мы ведь женщины такие во всех мирах – нет, нет, да и сболтнем лишнего. Мента подмигнула Туське. – Завтра пойдем со мной к стилисту, увидишь – будет весело. В таком виде тут разгуливать нельзя, тритоны мигом просекут, что ты не местная.

Мента и Туська-Невея сидели в зарослях гигантской ивы, пока карлик-парикмахер колдовал с их волосами. Туську решено было выкрасить в салатный, чтобы точно никто не заподозрил в ней пришлую. Ярко-зеленый был трендом сезона, поэтому девушка сидела и терпела пока стилист подержит достаточное количество времени ее голову в чане с водорослями. Мента пояснила, что они в городе придерживаются исключительно натуральных красителей. Сама Мента была та еще модница и обожала огромные пристяжные ногти-худжи. Они надевались на пальцы по особым праздникам, были длиной не менее 30 сантиметров и выглядели как гигантские золотые когти, инкрустированные драгоценными камнями. По рассказу Менты, они достались ей от одного известного высокопоставленного лица, чье имя лучше не называть.

– Его жена прознала про нашу связь, которая была совсем не долгой, незачем было так нервничать, никуда бы он от нее не делся.

– Ты любила его?

– Эйда? Не знаю, была очарована, скажем так. Не могла спать по ночам, мечтала только о нем. Дура была молодая и наглая. Это меня и погубило, иначе сидела бы сейчас во дворце, а не на Седьмом мосту. Но мне повезло.

Дедуля, когда был еще у власти, подарил мне небольшой садик с домом.

– Садик? Как это? Тут же везде вода.

Дедуля тогда был когда-то очень богат и смог выкупить для меня клочок земли, недалеко от Олимпа. Я разводила там цветы – розы, маки и мяту. Эти растения очень высоко ценятся в нашей медицине, мало кому удастся в нашем сыром климате их выращивать. Мне пришлось для этого наладить целую биосистему. Растения находятся в небольших колбах, для полива требуется вода особой фильтрации. Ох уж эти экзоты. Намучалась я с ними. Они только у вас нормально растут. В наших краях, они очень капризные, но поверь мне, игра стоит свеч. К примеру, мята, по своим качествам считается фактически волшебной. Лечит все, что угодно. Последний год был неурожай. Сильно штормило, и я не всегда могла пробраться на остров, чтобы добавить удобрения моим любимцам. Но немного все же взошло. Смотри, я привезла тебе мятного чая, чтобы освежить память. Она

всегда помогает пришлым собраться с мыслями и понять на каком они теперь свете. Мне когда-то очень хотелось быть полезной миру, это я сейчас стала полной бездельницей, а раньше я мечтала врачевать раны. Особенно хорошо помогали пион и мята, я раздавала настойки пришлым бесплатно, потому что они никогда не смогли бы себе позволить такую роскошь. Ну, а богачам я продавала настойки за большие деньги, чтобы была возможность помогать бедным. И вот однажды мой милый Эйд заявился ко мне в сад на прекрасной колеснице из чистого золота, запряженной тройкой породистых гиппокампов. Я дала ему небольшой букет для супруги, несколько настоек от мигрени и зубной порошок. Неплохо заработала, и закрыла ворота на засов. Но он был так красив, Невея, так фантастически прекрасен, что я не устояла. Когда он приехал в следующий раз, мы занялись любовью прямо на моих мятных цветочках. И потом он приезжал ко мне весьма регулярно, пока его не ранили.

– Жена?

– Нет, Фона тогда еще ничего не знала про нас. В тот злополучный день на Олимпе (это у нас так называется центральный район Первого моста, где обитает вся знать, самое мажорное место в городе) его ранил какой-то сумасшедший. Самое обидное, что Эйд там практически не живет, приезжает иногда по делам. Но в тот злополучный день он оказался там. А его киллер прошел каким-то образом кордон охраны, застрелил сторожевую собаку и, как назло, мой любовник в

тот момент вышел из дворца посмотреть, что за ерунда там творится перед его крыльцом. Увидев, как пришелец пытается отрезать голову его любимой псине по кличке Цербер, он схватил было свой меч, но тот парень оказался проворнее и стрельнул в него из арбалета. Милый мой свалился за смертью и откинул бы лапы, если бы не мой дедуля. Я рыдала как сумасшедшая, чуть все глаза не выплакала, хотела уже с собой покончить, но Главк мне помог. Хотя бабуля его отговаривала. Она терпеть не могла Эйда за то, что он женатый человек, а морочит голову молоденькой девочке. Дед позвал на помощь одного доктора, из перевертышей. Тот оказался хитрым чертякой и сказал, что может вылечить моего возлюбленного, если Главк отпустит его обратно наверх. А если нет, то прошу пARDону, идите лесом со своими проблемами. И мне удалось умолить дедушку, согласится на сделку и отправить докторишку потом по центральному мосту наверх. Это стоило Главку потере всех званий и вечной ссылки.

– Почему? Я так поняла, что Эйд один из главных функционеров у вас?

– Формально да. Но есть «серые кардиналы» из тритонов. Так вот они под страхом смертной казни запрещают пришлым уходить наверх. Конечно, можно было из этой ситуации как-то выкрутиться. Но, как говорят у вас наверху, беда не приходит одна, тяжело заболела баба Сцилла. Ну я тебе рассказывала про ее закидоны с кораблями. Единственная моя радость была в том, что возлюбленный и правда выздоровел,

докторишка не обманул. Перед тем как отчалить в верхний мир, лекарь подарил мне ценный экземпляр цветка пиона. Я уже подумывала открыть подпольную клинику для пришлых, но на меня донесли. Сообщили жене Эйда про нашу связь, и на этом моя карьера лекаря закончилась. Фона была в ярости, велела меня сослать на галеры, но Эйд отказался. Аргументировал тем, что я спасла ему жизнь. Тогда под угрозой того, что навсегда уедет к маме (а ее семья, кстати, из верхних, полгода Фона проводит на земле) ревнивица заставила Эйда выписать распоряжение, согласно которому я не могу покидать город в районе 10 мостов. Я регулярно его нарушаю, когда езжу на переправу, рискуя своей шкурой, но не могу же я бросить своих стариков одних на произвол судьбы.

– Получается Эйд предал тебя после того, как ты его спасла?

Глаза Менты на минуту затуманила легкая дымка, и даже ярко рыжие волосы, казалось, побледнели от грусти. Но она лихо передернула плечами, словно сбрасывая с себя неприятные воспоминания и продолжила рассказ.

– Я не осуждаю его. Скорее даже понимаю и до сих пор люблю. Он ведь из очень непростой семьи, из тех, кто ниже этажом.

– Ниже? Есть этаж под землей?

– Черт! – захохотала Мента и стаи то ли рыбок, то ли птиц бросились от них врассыпную. – Почему же я все время забываю, что ты не местная. Надо будет мяты хряпнуть с тобой

за компанию, когда созреет. Чтобы общаться на одной волне.

Катерина

Когда сумасшедшая с ножницами убежала, Катерина как ни в чем ни бывало подмела волосы, заварила себе крепкий чай и села на небольшой диванчик, который стоял при входе в крошечную парикмахерскую. Военный, ее постоянный клиент, нервно курил прямо в помещении и порывался позвонить то в полицию, то в скорую помощь. На шум-гам вышла Азиза, хозяйка парикмахерской, грузно прошлепала к выходу и закрыла дверь на ключ. Потом налила коньяка себе, военному и Катерине. Сказала, что звонить никуда не нужно. Та женщина больше сюда никогда не придет.

Нинка хотела ее убить, и Катерина не осуждала несчастную. Семенов говорил, что его жена страдает эмоциональным дальтонизмом – она знает, что такое любовь, как она выглядит и проявляется, но при этом не умеет любить. Иногда про женщин говорят – холодна как лед. Но жена Семенова была еще хуже – она всю жизнь изображала чувства, которых у нее нет. И эта фальшь была еще хуже, чем равнодушие или фригидность. Семенов смотрел как Нинка отчаянно выдавливая из себя чувства и жалел ее. Она искренне считала, что так надо, в глубине души прекрасно понимая, что ей никогда не дано испытать настоящей страсти. Для Семенова было очевидно, что рано или поздно это закончится.

Катерина будущее свое знать не хотела от слова совсем.

Соседка тетя Зина то и дело пыталась ее отправить к какой-нибудь местной ведьме, чтобы та сказала, стоит ли ждать принца в этой жизни или нет, но Катя была категорически против. "Тетя Зина, отцепись, – говорила она каждый раз, когда тетка начинала свою "песню" про гадания и пророчества, – я и так все про себя знаю. Мое предназначение – обрить миллион чьих-то лысин и тихо умереть от старости"

Дело в том, что мужики в семье Катерины долго не задерживались, как будто все девчонки в роду наследовали какой-то ген безбрачия. Знать бы, где он прячется, этот ген – выдрала бы его с мясом. От бабки сбежали два мужа, от матери катькин папаша ушел, когда та была на девятом месяце, а дочери и вовсе мужика нормального не досталось. Был слегка придурковатый парень Вовка, который бегал за Катей с 5-го класса, но после школы его загребли за торговлю наркотиками и роман быстро иссяк. Это было уделом многих девиц пограничного городка в начале двухтысячных. Те из парней, кто не кололся – торговал наркотой, и наоборот. Все они были потенциальные зэки, мало кому удалось избежать этой участи. Поэтому исчезновение поклонника Вована Катерина восприняла как нечто естественное и продолжила невозмутимо стричь "лысины", число которых неумолимо увеличивалось день за днем. Работала Катерина в салоне красоты парикмахершей. Среди остальных коллег она была самой молодой, но зачастую, глядя на этих толстых теток с волосами цвета красного дерева и пустыми как у овец гла-

зами, она явно понимала, что жизнь ее кончилась, так и не успев начаться. Вовка слал с зоны страстные письма и первое время Катя также строчила ему каждый день, пока не поняла, что Вовка, который на свободе и двух слов толком связать не мог, явно пользуется чьими-то услугами. А когда выяснилось, что Ленке из соседнего подъезда, чей Леха загремел вместе с Вованом приходят письма, будто сляпанные под копирку по тому же образцу что и ей, Катерина и вовсе забросила это дело. День за днем девушка впадала в какое-то тягучее и безысходное оцепенение, пока однажды тетя Зина не прижала ее в углу и не сказала:

– Вот что, Катька. Я уже пожила, знаю жизнь как облупленную и хочу тебя предупредить – если ты в ближайшее время не родишь, можешь смело на себе ставить крест!

– Тетя Зина, ты посмотри вокруг. От кого здесь рожать? Одни уроды кругом

– Здесь не от кого, зато в столице, слава богу, толпы хороших мужиков ходят. У меня в Питере племянница живет. Как и ты, дура незамужняя. Поживешь у нее, акклиматизируешься. Потом устроишься на работу. С такими руками как у тебя, везде возьмут, а там, глядишь, и мужа нормального подцепишь.

Катерина в своей жизни всегда была тяжеловата на подъем, но тут будто шестое чувство ей шепнуло: "Последний шанс". Она взяла все деньги, что были отложены на ремонт и покупку мебели, села в поезд и поехала куда глаза глядят.

В большой город.

Конечно, племянницу тети Зины не очень вдохновила идея приютить бедную родственницу, но так как вскоре выяснилось, что родственница не такая уж бедная, жесткий расчет в конце концов взял свое. Катерина пообещала Гале не только платить за комнату, но и регулярно покупать продукты для общего пользования. Последнее стало решающим аргументом, так как пожрать племянница любила больше всего на свете. Личной жизни у нее, как верно подметила тетя Зина, не было даже в помине, и все существование сводилось к тому, что она полдня проводила в курилке на работе в каком-то чахломе НИИ – атавизме советского периода, а потом до ночи валялась перед телевизором и ела, ела, ела. Катерину это вначале раздражало, но так как она была по натуре доброй девушкой и любила животных, то искренне жалела племянницу, которая напоминала ей любимого спаниеля Тишку. Ветеринар слишком поздно сказал, что у собаки этой породы нет чувства насыщения, и бедный кобель однажды сдох, сожрав, пока никто не видел, пять кило замороженной говядины зараз. Глядя иногда на Галину, Катя начинала думать, что реинкарнация существует. Женщина даже выглядела как прямая родственницей Тишки – такие же кудрявые нечесанные уши-хвостики по бокам и вечно голодный, ищущий что бы поскорее сожрать, взгляд. Любую пищу она ела огромными порциями и с такой сосредоточенностью, как будто писала диссертацию.

Таким образом девушки быстро поняли, что сосуществование на одной территории взаимовыгодно. Катя регулярно кидала в холодильник, как в топку огромной белой печи, горы еды, а Галя в благодарность за это не лезла ни в ее комнату, ни в душу.

Катерина довольно быстро устроилась на работу в маленький салон красоты, который принадлежал азербайджанцу Али и его жене Азизе. Кроме нее там работала еще одна русская девушка и какая-то дальняя родственница хозяина. Эта дама, на правах родственной близости, занималась стрижкой женщин, а Катерине, как новенькой, выпало счастье обрабатывать сильнейшую половину микрорайона. Это было даже хорошо, потому что мужчины, как правило, молчаливы и непривередливы. Большинство из них зачастую настолько заняты своими мыслями, что с трудом замечают какие-то перемены у себя на голове, даже если их обрить под горшок. Тот день, когда счастье наконец подмигнуло Кате левым глазом, запомнился ей очень хорошо. Утро началось с того, что азербайджанка, которая ничего не понимала в покраске волос, осветлила клиентке брови. Да так, что они стали похожи на две мохнатые полосатые гусеницы. Клиентка пришла в ярость, азербайджанка со страху спряталась в подсобке, а Катерина стала срочно закрашивать нервной даме брови обратно, молясь Богу чтобы они вообще не отвалились от такого количества кислоты. И в этот момент всеобщей паники двери салона красоты "Азиза" распахнулись и на пороге по-

явился Он.

Семенов

Семенов считал, что с Нинкой они поженились, когда были детьми. Разве люди соображают хоть что-нибудь, когда им 20 лет! Никто не задумывался о том, что было бы с Ромео и Джульеттой, если б они оклемались после порции яда, зажили бы вместе долго и счастливо, и наплодили кучу ребятишек. Что было бы дальше? А вот Семенов думал об этом последнее время дни и ночи, в результате чего пришел к точному выводу – никакой высокой шекспировской любви и высоких страстей при таком раскладе быть не может. Во-первых, житья молодым не дали бы ни теща Капулетти, ни свекровь Монтеки. Они бы пили их кровь день и ночь, капали б им на мозги до тех пор, пока молодые друг друга не возненавидели. Во-вторых, Ромео, повзрослев уже через пару лет, как следует посмотрел бы по сторонам и понял, что прекрасной Джульетты не существует. Вместо нее на кухне сидит тетка в цветастом халате и громко отхлебывает из чашки чай. Конечно, все это сильно преувеличено, Нинка до сих пор была молода и красива, но она перестала быть Джульеттой, как только они поселились под одной крышей. Смысл любви молодого пацана Ромео заключался в невозможности достичь объекта чувств. Их брак изначально был запрещен как на небе, так и на земле, и именно поэтому герой добивался цели так самозабвенно. По мнению Семенова, Джульетта была це-

ликом надуманна, она существовала только в воображении Ромео, была ценным призом победителю. И Семенов готов был зуб отдать, что как только бы юноша достиг своей цели – Джульетта в качестве жены очень быстро ему опротивела. А вот если бы он встретил ее позже, хотя бы лет в 30, это совсем другое дело.

Будь воля Семенова, он бы принял закон, согласно которому, мужчины не имеют права вступать в брак до 25 лет. Дети не должны ночами делать новых детей, это противостоит естеству. Конечно, в свои неполные 20 он так не считал, но ведь в молодости и думаешь, что греха таить, вовсе не головой. Нинка была настоящей Джульеттой, без подделки – безумно красивой и очень гордой. Они жили тогда в маленьком городке на берегу самого синего моря, и когда Нинка выходила из пенных волн, как ботичеллевская Венера, у Семенова захватывало дух. Ее мокрые рыжеватые волосы горели в свете заходящего солнца и сводили Семенова с ума. Все мужики в городе хрустели шеями, когда Нинка проходила мимо, поэтому завоевать принцессу было для амбициозного парня делом чести. Тем более, что Семенов всегда был охотником. Но охотником в процессе. Из тех, кто получают удовольствие лишь пока преследуют дикого зверя. Пойманная же добыча им никогда не приносит удовлетворения, скорее разочаровывает. Благодаря этому свойству характера, Семенов всегда был самым первым, самым лучшим, самым умным и удачливым еще со школьной скамьи. В Нинку он влю-

бился, когда вернулся из армии. Пьяные, в обнимку с друзьями, они пошли в тот день поглазеть на местный конкурс красоты, который, следуя повальной моде, решила устроить городская администрация прямо на рыночной площади. Народу было валом, местные жители столпились у импровизированной сцены, в ожидании длинноногих красоток. Кто-то пустил слухок, что девочки выйдут в бикини. Поэтому Семенов с компашкой залез на ближайшее дерево, и они стали как судьи на футболе, комментировать происходящее. Народ хохотал над их пошлыми шуточками, а организаторы уже подумывали вызвать наряд милиции, чтобы усмирить хулиганов, как вдруг на сцену вышла Нинка. Семенов велел всем заткнуться, потому что спустя несколько секунд, незнакомка в синем платье запела. Это была детская, глупая песенка про лесного оленя, но пела он так, словно это гимн любви. И Семенов как тот самый олень пришел на ее зов, чтобы умчаться в дальние края, в хмурый северный город и там выбросить. Одну с разбитым сердцем. Семенов понимал, что он сволочь, но ничего не мог с этим поделать. Тогда она была не просто королевой красоты, а еще и Чужой Королевой (Нинка встречалась в то время о студентом-медиком), чего Семенов вынести точно не мог. Разумеется, он ее покорила, потому что был обязан это сделать. Как беговая лошадь на ипподроме должна перепрыгнуть очередной барьер, чтобы двигаться дальше. Но как только цель была достигнута, она осталась навсегда позади. И Нинка из прекрасной незнаком-

ки вмиг превратилась в груз прошлого, который он вынужден таскать за собой всю оставшуюся жизнь. Жена не заметила, что он вырос из их отношений как ребенок из штанов. Ей казалось, что все вокруг безоблачно чисто, как и 10 лет назад. Нормально было то, что их тела больше не хотят быть вместе и прячутся друг от друга под разными одеялами. А глаза никогда не смотрят в глаза, а вместо этого лишь бегают по посторонним предметам, словно в поисках убежища. Они были совершенно чужими людьми, которые поженились, заигравшись в дочери-матери, а когда опомнились – было поздно. Под боком у пары росла и нескончаемо требовала внимания девочка Александра. Но Семенов не был готов стать ни отцом, ни мужем, он совсем не ощущал себя таковым. Конечно, он понимал, откуда берутся дети, но, когда впервые соблазняешь королеву красоты как-то об этом не думаешь. Семенов позвал красавицу в поход в горы и она, наивно думая, что там будет большая компания, с радостью согласилась. Семенов сказал, что ребята догонят их по пути, и предложил пока в ожидании друзей как следует расположиться: разбить палатку, развести костер и прочее. Посомневшись, Нинка согласилась, и он увел ее так далеко, где даже сам ни разу не бывал. Для первой ночи они выбрали поистине райский уголок: все вокруг было увито лианами, а небольшой водопад стекал в хрустальное озеро. Маленький Эдем, идеально подходящий для соблазнения невинной души. Разумеется, все случилось в ту же ночь. Семенов и Нинка

ка, как Адам и Ева бегали голыми по ночному лесу и купались в водопаде под светом луны. И если бы тогдашний Семенов-ребенок знал, что ждет дальше Семенова-взрослого, он сразу бы после той волшебной ночи прекратил их отношения. Хотя бы потому, что больше ничего примечательного в их совместной жизни не было. Через месяц Нинка сообщила ему, что беременна, да к тому же имеет отрицательный резус крови, что исключает вариант аборта. Да и о каком аборте можно было говорить в маленьком городке, где каждая собака в курсе всех дел! Семенов женился и впал в душевную кому, увяз в семейном бытовом болоте. Ему не хотелось шевелиться, думать и тем более любить. Каждый день он делал вид, что отправляется на поиски работы, а сам болтался целыми днями на пляже, пил пиво, курил и ничего не хотел. Это, наверное, было самое ужасное для такого человека как он. Потом он приходил домой, съедал курицу, и не обращая внимания на горестные вздохи тещи, заваливался на диван смотреть телек.

– Ох, бедная моя доча, он ведь и тебя однажды сожрет. Смотри – один позвончик от курицы остался, даже кости сгрыз твой лоботряс! – ворчала теща, гремя посудой.

Семенов мысленно плевался в тещу и шел спать. Молодая жена его больше не интересовала, как, впрочем, и все остальное вокруг. Его существование вдруг стало абсолютно бессмысленным. Потом родилась Сашка – странное существо, которое все время только орало и тоже что-то от Семенова

все время требовало. Пришлось срочно устроиться работать на завод. Он делал детали для автобусов, и от монотонности всего вокруг, вскоре ушел в глубокий запой, из которого его чудом вывел приехавший погостить у матери давний школьный приятель Славик. Когда-то их было трое лучших парней на деревне – Славка, Семенов и Кузя. Они дружили с первого класса, а после школы разлетелись кто куда, как будто и не было никогда этой дружбы. Кузя спился и однажды утром его нашли у шоссе с проломленным черепом. Семенов также шел по стопам Кузи. А вот Славка был единственным из их класса, кто сумел вырваться из провинциального болота и неплохо пристроится в столице. У него процветал собственный бизнес и ранним утром, налив Семенову в хрустальный бокал свежий рассол, он сказал:

– Вот что, Семеныч. Собирай вещи, документы – поедешь со мной в Питер. О деньгах не беспокойся – потом отработаешь. Поживешь пару недель у меня, потом подыщешь квартиру и перевезешь своих.

Когда он сообщил о том, что уезжает Нинке, она рыдала как ненормальная, даже порывалась покончить с собой. Пришлось Семенову поклясться на Библии, что он вернется за семьей. Хотя искушение оставить все как есть, а самому начать новую жизнь было огромным. Нинка даже не подозревала, что мысленно он попрощался с ними навсегда, как только нога ступила на подножку поезда. К моменту отправления он понял то, что пытался уразуметь вот уже как

два года – Семенов ненавидел себе-ребенка, свою детскую любовь, Нинку с Сашкой которые болтались у него на шее. Он ехал в поезде, высунув голову в окошко и смеялся, радуясь тому воздушному чувству свободы, которое щекотало его изнутри.

Дела у него сходу пошли отлично. Славка, как и обещал, устроил его на работу и нашел неплохую квартиру. Петербург просто ошарашивал своими размерами, помпезными домами и бесконечными улицами. Семенов мог по выходным целыми днями бродить и глазеть по сторонам, вдыхая непривычно сырой северный воздух.

– Семеныч, ты когда за своими ехать собираешься? – спросил однажды Славка. – Я на следующей неделе поеду на машине – могу тебя захватить, а на обратном пути возьму часть вещей. У вас ведь, наверняка, целое купе будет забито под завязку. Коляски, горшки и все такое.

– Не Слав, я сейчас их не повезу. Может по весне, чего им в таком холоде сейчас делать – с невинным видом сказал Семенов, глядя по телеку футбол.

Но Славка нахмурился, выключил телевизор и тихо сказал:

– Я не знаю какие у вас с Нинкой отношения, это не мое дело. Но человек, который не чувствует ответственности даже за своего ребенка у меня работать не будет. Ясно?

– Слава, ты чего? – удивился такому резкому подходу Семенов, который считал, что друг всегда был мягкотелым и

слегка туповатым. – Я же не говорю, что не собираюсь их привозить. Я привезу свое семейство, но только когда как следует встану на ноги.

– Ну-ка, встань на минутку, – сурово сказал Слава.

Семенов нехотя поднялся, думая, что Славка, сука, просто пользуется своим служебным положением и как только он как следует раскрутится, то... Но додумать эту мысль Семенову не дал мощный удар в скулу. Семенов отлетел в угол:

– Ты охренел?

– Как встанешь на ноги, отправляйся сразу за Нинкой, либо катись отсюда на все четыре стороны.

Северные березки за окном сменили зеленые акации. От мысли, что он подъезжает к дому и прежняя жизнь постепенно возвращается, Семенова мутило до рези в желудке. Все-таки Джульетта и Ромео должны были умереть и точка.

СРЕДА. Хемера Хермоу. Меркурий. СЕДЬМОЙ МОСТ

Между тем шли дни, а может года. Туська не могла уже с точностью сказать как долго она жила у Менты. Время тут двигалось иначе, плыло медленно и плавно, как лист по воде. Туська резвилась с новой подругой на пикниках и в водоемах, плавала на резной золотой лодке по старому городу. Особенно был прекрасен район Первого моста. По ночам его подсвечивали, и он отражался в небе, подпирая башнями небосвод. В середине моста дежурили тритоны, но пару раз с Ментой они раздобыли пропуска и прогулялись по нему, предварительно пришвартовав лодки снизу на парковке. В одной из башен был дорогой ресторан, Мента сказала, что туда расписаны все посещения на год вперед, но ее очередь уже близко, и они смогут наконец попасть на этот праздник жизни.

– Обычно туда тем, кто ниже Третьего Башенного, вход априори запрещен, но я взяла талончик, когда еще была с Эйдом, через его связи. Так что представляешь, какой событие нас ждет! Нужно только подготовить соответствующие наряды. Смотри, мне тут привезли с Первого моста каталог. Так вот! Они сейчас носят платья с хвостами как у рыбки Бетта Спленденс, но все может поменяться вмиг. Мы при-

дем с Беттой, а там уже в тренде Золотой Вуалехвост. И что тогда делать? Короче, я нервничаю, а ты?

Туська лишь улыбнулась на эти слова. В этом идеальном мире странно было нервничать, все было так спокойно и тихо, как только может быть в неспешном течении летней деревенской реки.

Все центральные районы города были связаны между собой небольшими каменными тоннелями или подвесными мостами. Линии домов были изогнуты причудливой фантазией знаменитого местного архитектора, они меняли форму и цвет, в зависимости от того, с какого моста ты смотрел на них. С подвесного они казались желтыми цилиндрами, что стоят на тонкой ножке, из тоннельных же, они выглядели как светло-серый мираж. Иногда здания колыхались на каждом ветерке и переливались желто-зеленым цветом. Было даже несколько церквей, но Мента сказала, что туда нельзя заходить ни в коем случае. Там все увешано портретами тритонов, и поговаривают, что именно в храме они устраивают свои оргии, как только в их сети попадают прекрасные нериды. И не только они.

Однажды на закате, Туська с Ментой проплывали мимо красивой белокаменной церкви. Ее большой крест, упирался в ил, и уже полностью зарос мшистыми водорослями, напоминая огромный коралл. Мохнатые лапы растений трепыхались на уровне верхнего этажа, иногда обнажая под собой ржавое золото.

– Красиво, да? – поймала Мента восхищенный взгляд Туськи.

– Можно зайти внутрь?

– Что ты! Ни в коем случае. Разве я не говорила тебе про мостовые храмы?

Туська отрицательно покачала головой, борясь с непреодолимым желанием зайти в заброшенную церковь.

– Раньше, как рассказывал дед, в церквях были лики святых, но тритоны все уничтожили и сделали там будуары в виде гигантских подвесных гамаков. Они привязаны огромным чугунным якорем, что крепится в центре, у основания купола, и летают по всей церкви пока тритоны предаются своим утехам. Я была там один раз, чуть не умерла со страха. Как будто сотни паучьих коконов дрожат трясутся в вышине. Мерзость необыкновенная! Так вот. Туда они свозят теперь не только молодых nereид, но и юных пришлых. Даже страшно представить, что они в своих паутинах с ними делают, полный Содом и Гоморра. И если с nereидами все понятно, они такие, как говорится, легкие на передок, то изнасилование пришлых, на мой взгляд, должно караться по всей строгости закона. Любой горожанин с пеленок знает, что трогать пришлых нельзя, нельзя причинять им зло и боль, они и так уже натерпелись. Они тут на передержке, и им надо помогать. Это прописано во всех законах Книги Посейдона. Но тритоны плевать хотели на любые кодексы и правила. Пришлые – отныне расходный материал. А все потому, что, если

ребенок растет без ограничений, он вырастает в полного морального урода, которому все позволено. Тритонята все выросли на наших глазах, беспределили как хотели, хвосты не поротые, и вот, пожалуйста, результат.

Чем дольше Туська-Невея жила под мостами, тем лучше ориентировалась в новом пространстве. Каждый район в городе носил название по номерам мостов – Мост Первый, Мост Второй и так далее. Всего их было около пятидесяти. Сама Мента жила в районе Седьмого, и их расположение было наиболее удачным. Седьмой Мост – это был городской центр, со всеми признаками имперской роскоши – шикарные дворцы с колоннами, подвесные сады и фонтаны, кареты запряженные гиппокампами в красно-золотых пополах. В середине района стоял театр, вокруг которого была сосредоточена вся жизнь. Почти все жители Седьмого либо выступали в Театре, либо работали в нем. Это было обязательным условием нахождения в этой части города. Когда Мента сообщила ей об этом, Туська была весьма озадачена. У нее никогда не было никаких творческих талантов, она чистой воды математик.

– Это просто замечательно! – радостно хлопнула в ладоши Мента. Ее ногти с новейшим покрытием из латуни, клацнули друг о друга радостно и звонко, как колокольчики. – У нас тут одни творцы собрались, никто не хочет делом заниматься, и ты будешь очень востребована театральным сообществом. Я договорюсь с руководством, скажу – ты моя

родственница по деду Главку, попрошу взять в костюмерный цех. По основным праздникам, в хоре поют около тысячи океанских девушек, плюс солистки – наверное, штук тридцать, все из nereид. Грумерный и костюмерные цеха – почти сплошь состоят из пришлых, их набрали себе в помощь сестры Горгоны. Ох, и злющие они, мои теткн, но ты не волнуйся, тебя не тронут. Их Тритоны специально поставили, чтобы милые дамы регулярно мучили пришлых и спускали с них три шкуры. Это у тетушек отлично получается, но проблема оказалась в том, что никто из Горгон толком не умеет считать. Пришлые, когда попадают к нам, первое время, как и ты поначалу, совсем ничего соображают. А потом память у них меняется, стабилизируется, но со счетом все равно всегда полный крах. Ой прости, я все время забываю, что ты не из наших. Настолько уже привыкла к тебе.

– Ничего, все в порядке. Но ты права, надо проверить как у меня со счетом.

– У меня есть жемчужные старинные счеты, я дам тебе. Так вот, о чем я? В результате недостатка костюмов каждый праздник омрачается диким плачем какой-нибудь из актрис, что осталась без костюма из-за «этих тупых Горгон». А если эти девки nereиды рыдают, тушите свет. Они голосистые, что твоя труба иерихонская. Жалуются тритонам, бегают по инстанциям. Кошмар, короче, полный.

А самое страшное, что начинается шторм и праздник быстро сворачивают в целях элементарной безопасности.

Наш театр уже два раза чуть не смыло. И все из-за костюмов nereid. Дурдом, короче, с этим семейством. Одна надежда на тебя, дорогая моя Невея. Праздник назначен не следующей неделе, костюмы все пошиты. Главное – проверить точное количество. Справишься?

Вскоре Туська сидела на треугольном крыльце-козырьке и считала на старинных жемчужных счетах. Древний метод, но, как ни странно, она быстро его припомнила. Ее когда-то учила считать на счетах бабушка. Увы, Мента была права. Память в городе мостов становилась мягкой и бесформенной, словно комок ваты. К примеру, сейчас она вспомнила свою бабушку, даже вспомнила, что та обладала целительским даром, но хоть убей не могла воскресить в памяти ни ее имени, ни периода, когда они встречались. Отныне все ее воспоминания были похожи на разрозненные фрагменты старых кинофильмов, что она смотрела когда-то в детстве. Мостовая жизнь все больше захватывала ее, не оставляя места эфемерному прошлому.

Стража тритонов в районе Седьмого моста появлялась крайне редко, так как местные их недолюбливали, и «хозяйева жизни» старались перед предстоящими выборами Главного, не нагнетать обстановку. Еще в Седьмом районе обитали прекрасные nereidy и их хор. Каждое утро Туську-Невею будило божественное пение, льющееся отовсюду. В доме Менты все спали в больших гамаках, подвешенных к балдахинам, что крепились к потолку. Ночью откуда-то все вре-

мя шла вибрация и гамаки мерно раскачивались, убаюкивая этим своих ночных гостей. А на рассвете Туська просыпалась под небесное пение, открывала глаза, смотрела в окно и видела в небе загадочных птиц, которые никогда не опускались ни на воду, ни на дома, а лишь кружили где-то под облаками, широко раскинув белые крылья. Ночью же (Туське удалось несколько раз не уснуть со всеми), если подойти к окну, то увидишь ангелов. Силуэты, похожие на людей в длинных одеждах, проходят по небу, иногда задерживаются и смотрят вниз. В такие моменты Туське начинало казаться, что она вот-вот что-то вспомнит, но ее память вела себя странно и непредсказуемо.

Волосы

Несмотря на проклятия и угрозы жены, Семенов переехал к Катерине. Точнее, он выгнал жильцов из квартиры, которую сдавал в аренду, и теперь Катерина разгуливала в прозрачном пеньюаре по мансарде с видом на Исаакиевский собор. По утрам они любили пить кофе на большом балконе, увитом цветами и смотреть вниз на толпы туристов с фотоаппаратами. Многие из них щелкали без перерыва, даже не успевая оторвать глаз от камеры, в надежде увезти с собой всю красоту северного города. Катерина наслаждалась новой жизнью богатой дамы, хотя где-то глубоко внутри, ее не покидало чувство, что все происходит будто бы не с ней. Что она не заслужила этого неожиданно свалившегося счастья. Мироздание затаилось на время и лишь ждет удобного часа, чтобы всадить Катерине нож в спину.

Эта сумасшедшая с ножницами в руках до сих пор везде ей мерещилась – когда девушка заходит в подъезд, на улице, в метро. Пару раз ей даже казалось, что бледная как смерть, жена Семенова заглядывает в окна парикмахерской «Азиза». Каждый раз, подходя к дому на Исаакиевской, она ощущала прилив страха, от которого волосы на голове в буквальном смысле становились дыбом.

– Дура, ты Катька. Надо было сразу на нее заявить, у тебя же свидетелей куча! – ругала ее сменщица Валентина, ко-

гда они пили кофе в перерыве. – Сразу было ясно, что тетка умом тронулась. Упекли бы ее в психушку – и ей польза и тебе спокойнее. А так посмотри на себя – ни рожи, ни кожи. Что с тобой такое происходит?

Катерина не знала, что с ней происходит. На самом деле она не считала себя виноватой в том, что прибрала к рукам чужого мужа. Тем более, что никаких провокаций с ее стороны и не было – так, пару раз подстригла незнакомому мужику бороду, да сделала укрепляющий массаж волос. Но под ее руками Семенов вдруг растаял, стал рассказывать о себе, о том, как он несчастлив дома и как мечтает вырваться из этого плена. Катерина не очень-то любила нытиков, но Семенов рассказывал о своих проблемах с искромётным юмором, как будто пересказывал старую советскую мелодраму. Поэтому ей вовсе не казалось, что он жалуется. Семенов был бородатым, слегка толстеющим дровосеком, а она флегматичной спящей царевной, которую он разбудил своим поцелуем. Пара странная, но симпатичная. Свою прошлую семейную жизнь Семенов сравнивал с удавом. С большим трудом он сбежал из цепких змеиных объятий, разжать которые, по его убеждению, смогла бы лишь его, Семенова, смерть. Когда он был маленьким, его мать, чтобы подработать летом, сдавала комнаты приезжим. Несколько лет подряд у них останавливалась работница местного цирка-шапито Эльвира. Кроме основных выступлений, она подрабатывала еще тем, что танцевала с удавом Карлом. Когда-то он

был гипнотическим Каа, как у Киплинга, и Эльвира с удавом-боа, болтающимся на шее, гадала на картах всем желающим. Удава ей контрабандой привезли из Африки знакомые моряки, и с тех пор он стал кормильцем ее семьи. Постепенно удав обрусел и сильно разжирел. А так как карты не приносили большого дохода, им пришлось продаться в цирк. Удав был Эльвириным личным, жил и путешествовал с ней уже много лет. Мать Семенова, конечно, была против опасного животного в доме, но Эльвира платила двойную цену и, кроме того, сразу продемонстрировала сундук с висячим замком, в котором ночевал Карлуша. Так вот, по словам Семенова, Карлуша ужасно любил Эльвиру и сильно тосковал, когда ее не было дома. Каждый раз, когда она выпускала его погулять (мать об этом, разумеется не знала, но мальчику Эльвира разрешала иногда погладить Карлушу, потому что он покупал для него на рынке живых мышей), тот обвивался вокруг ее шеи плотным кольцом и напрочь отказывался слезать перед сном, если в наличии не было свежей мышатины. Один раз циркачка нацепила своего удава на Семенова, и он до сих пор с ужасом вспоминал эти ощущения.

– Представь Катька, что тебя за горло схватила огромная рука Кинг Конга и начала медленно сжимать. Я был уверен, что тварь не остановится, пока не задушит меня. Хорошо, что я принес ему десерт в виде крысы, и он был сыт. Эльвира смеялась надо мной до слез, а зря. Вскоре ее Карл реально сошел с ума, стал ревновать ко всем подряд. А потом

случилось страшное – Эльвира завела роман с местным авторитетом. Он дарил ей красивые подарки и не пропускал в цирке ни одного представления «девушки со змеей». Когда авторитет стал оставаться у Эльвиры на ночь, Карлушу перестали выпускать вовсе, и это сильно его обидело. Теперь он целыми днями лежал в пыльном сундуке. Я помню, как однажды я посмотрел в дырочку в сундуке, и Карлуша тут же унюхал меня и обрадовался, стал бить хвостом. Я не знал, чем помочь ему, просунул в дырочку конфету и побежал в школу. Я сам не видел, но мать рассказывала, что однажды на представлении, Эльвира как обычно зазывно крутила задом, обвитым платком с монетками, изображая восточный танец живота, а удав болтался у нее на шее. Ее кабальеро сидел в первом ряду, весь из себя набриолиненный и полный понтов, когда танцовщица допустила роковую ошибку – зазывно покачивая бедрами, она подошла совсем близко к своему возлюбленному. Свет в шатре для нее погас – и перед глазами был лишь он, красавец на белом мерседесе, который увезет ее в лучшую жизнь. Но Карл не хотел лучшей жизни, он хотел любви и ласки, прогулку раз в день по коридору, и считал, что за годы столь близких отношений, заслужил это. Соседка рассказывала матери, что первый раз видела, как плачут змеи – в глазах Карлуши стояли настоящие, человеческие слезы. А потом он начал сжимать кольцо до тех пор, пока Эльвира, задыхаясь, не упала на пол с выпученными глазами. И тут авторитет достал пистолет и вы-

стрелил удаву в глаз. Раздались крики, визги, и зрители рванули к выходу. Но принц Эльвиры оказался метким стрелком – возможно до этого снес не одну голову, и этим спас прекрасную танцовщицу от верной гибели.

И вот знаешь, в начале, пока я жил с Ниной, я не чувствовал «внутреннего удава», – изливался как-то раз Катерине, Семенов. – Точнее он вроде как был, но это же был любимый удав, разве можно ему не верить? Но однажды ночью, я проснулся в холодном поту от того, что все. Кранты! Не могу больше! Еще немного и меня задушат, раздавят как ту самую несчастную крысу, что я купил Карлуше, когда был ребенком. Моя жена – прекрасная хозяйка, заботливая, добрая. Но ее любовь была просто удушающей, я чуть не сдох, скажу тебе честно.

Катерина занималась любовью с Семеновым на огромной кровати под белоснежным балдахинном (дикий фантазм дизайнера, как называл его Семенов) и собиралась за него замуж. Бракоразводный процесс в его семье уже начался, через три месяца можно было играть Мендельсона. При этом со свадьбой спешил почему-то сам Семенов, Катерина была девушка осторожная и предпочла бы подождать – кто знает, вдруг один из них тоже удав или еще что похуже. Но ее дровосек-викинг как истинный охотник любил дойти до конца поставленной цели и закрыть гештальт. Возможно, новым браком он надеялся полностью избавиться от образа бледной брошенной жены, что преследовал его ничуть меньше,

чем Катерину. Первое время бывшая не гнушалась регулярно звонить им с проклятиями и угрозами, но больше всего на свете Катерина боялась, что Нинка подкараулит ее в подъезде с острыми ножницами в руке. Заходя в красивый подъезд с мраморными колоннами и фигурной лепкой, она думала всегда лишь об одном – перед лифтом есть место для колясок, где легко спрячется убийца. Нинка порежет ее филировочными ножницами как мясник поросенка. Однажды, когда Катерина проснулась с дикими рыданиями от того, что ей приснилось как жена Семенова кромсает ее парикмахерскими ножницами, Семенов предложил переехать в Москву. Но до этого надо было справить для начала свадьбу, ради которой уже был забронирован Дворец Бракосочетания на Английской набережной и роскошный ресторан. Не отменять же всю эту красоту ради пустых страхов и суеверий. На том и порешили. И тут началась какая-то нехорошая ерунда. Как-то раз Катерина поехала на примерку свадебного платья, а когда снимала его, заметила на рукаве прядь волос. Вот дура, зацепила молнией, подумала она, но вечером в ванной обнаружила в стоке целый пучок, который мешал воде уходить. Когда же девушка расчесалась после душа, белоснежная раковина выглядела так, будто там брили бобтейла. Катерина с ужасом осознала, что волосы лезут из головы со страшной силой. Словно моряки, покидающие корабль, некоторые пряди до последнего болтались на ней, прежде чем навсегда улететь в мусорное ведро. И все это накануне свадьбы! Ка-

терина рыдала как сумасшедшая. У молодой женщины всю жизнь была коса до пояса, как в русских сказках, толщиной с руку. Семенов, который обожал ее роскошные волосы до попы был категорически против короткой стрижки. За неделю Катерина обошла всех известных врачей и трихологов – бесполезно, кое-где на голове уже виднелись нежно-розовые проплешины. Когда девушка пришла в свою парикмахерскую (из которой давно уволилась, но иногда принимала там самых любимых клиентов), то Валентина, глядя на нее аж присвистнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.